

ФРАНЦУЗСКАЯ И ГЕРМАНСКАЯ АРМИИ

ПЕРЕДЪ ВОЙНОЮ 1870 ГОДА.

Настоящая статья составляет отрывокъ изъ публичныхъ лекцій «о франко-германской войнѣ 1870 года», читанныхъ въ настоящемъ году въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній.

Лица, знакомыя съ богатою литературою этой войны, могутъ быть, не найдуть для себя ничего новаго въ предлагаемой статьѣ. Но послѣдняя написана въ томъ же направленіи, въ какомъ читались и помянутыя лекціи, имѣвшія цѣлю представить общую картину войны 1870 г. для лицъ, не имѣвшихъ возможности или времени изучить ее, а главное—выставить значеніе тщательной и всесторонней подготовки государства къ войнѣ, такъ какъ такая подготовка служить лучшей гарантіей цѣлостности государства и, внушая сосѣдямъ уваженіе къ его военному могуществу, тѣмъ самымъ предохраняетъ государство отъ войны и сопряженныхъ съ нею бѣдствій.

Исслѣдованіе войны 1870—71 годовъ находится въ весьма выгодныхъ условіяхъ, благодаря богатству относящихся до нея сочиненій; но большинство изъ нихъ отличается или односторонностію, или отсутствіемъ безпристрастія и тенденціозностію. Мы задались при нашихъ лекціяхъ цѣлю обобщить имѣющіеся по войнѣ 1870 г. матеріалы, сводя различныя свѣдѣнія и мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ къ одному знаменателю (не стѣсняясь при этомъ даже цѣликомъ приводить нѣкоторыя, наиболѣе заслуживающія вѣроятія или вниманія, свѣдѣнія или заключенія изъ напечатанныхъ уже сочиненій).

На сколько удалось намъ достигнуть помянутой цѣли—о томъ мы, конечно, судить не можемъ. Но считаемъ необходимымъ заранѣе оговориться противъ возможнаго на насъ нападенія, которое намъ приходи-

лось уже выслушивать во время лекцій, а именно — что, отдавая должное германской арміи, мы уже слишкомъ понизили уровеньъ французской.

Въ нашихъ лекціяхъ мы старались быть строго безпристрастными, и не наша вина, если факты и проистекающія изъ нихъ заключенія сложились въ высшей степени благоприятно для одной стороны и совершенно обратно для другой.

Французскіе авторы о войнѣ 1870 года безъ пощады относятся къ недостаткамъ французской арміи, ея организаціи и всей военной системы⁽¹⁾; благодаря же богатству французскихъ матеріаловъ, трактующихъ объ этихъ предметахъ, можно составить полную картину того неудовлетворительнаго положенія, въ какомъ находились передъ войною 1870 года вооруженныя силы Франціи. Что же касается до Германіи, то наоборотъ: всѣ извѣстныя матеріалы приводятъ къ заключенію о безспорномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходствѣ ея арміи надъ французскою. Намъ оставалось только, обобщивъ факты, сдѣлать изъ нихъ выводы и указать причины различія въ достоинствахъ обѣихъ армій.

Въ виду указанной выше цѣли нашихъ лекцій, сопоставленіе армій германской и французской передъ войною 1870 года какъ нельзя болѣе поучительно, служа нагляднымъ подтвержденіемъ тому, чѣмъ отзывается для государства тщательная или небрежная *отдыха* (если можно такъ выразиться) его арміи.

Французская армія пользовалась издавна блистательною репутациею, приобретенною ею во время войнъ Генриха IV, Людовика XIV и Наполеона I, а въ послѣднее время успѣхами, доставшимися ей въ Крыму, Италіи и Мексикѣ.

Прусская армія тоже имѣла за собою блистательныя страницы въ лѣтописяхъ военной исторіи (времена Фридриха и войнъ за независимость). Но полувѣковой періодъ мира, наступившій послѣ 1815 года для Пруссіи, въ теченіе котораго французскія знамена нѣсколько разъ успѣли покрыться новою славою, привелъ къ забвенію о миновавшей доблести прусской арміи; только въ 1866 году она снова со славою трянула старинною. До этого же времени слава французскаго оружія пользовалась такимъ кредитомъ, что никто почти не думалъ подводить въ сравненіе съ нею прусскую армію.

⁽¹⁾ Замѣтимъ, что это безпощадное отношеніе къ собственнымъ недостаткамъ послужило основаніемъ для той энергической дѣятельности, которая въ настоящее время замѣчается во французской арміи, и которая, вѣроятно, принесетъ плодотворные результаты.

Въ полнѣйшемъ самодовольствіи французское воиство почило на лаврахъ. Лица, стоявшія во главѣ арміи, считали излишнимъ дѣлать какиа-либо реформы въ томъ, что было введено во времена Наполеона I; тѣ же немногіе офицеры, которые рѣшались указывать на необходимость реформъ, чуть не подвергались преслѣдованіямъ⁽¹⁾.

1866 годъ, съ Садовою, нѣсколько раадражилъ нервы французамъ; но, продолжая по прежнему считать другія націи во всѣхъ отношеніяхъ ниже себя, Франція и ея армія снова впали въ сладкую дремоту.

Пруссаки же, не смотря на блистательные успѣхи 1866 года, превзошедшіе всѣ ожиданія людей, даже наиболѣе вѣрившихъ въ боевыя достоинства прусской арміи, пруссаки, говоримъ мы, не предались пріятному покою, а немедленно по окончаніи войны поспѣшили воспользоваться ея опытами, чтобы исправить у себя все то, что оказалось неудовлетворительнымъ во время войны (мобилизація, тактика кавалеріи и артилеріи и проч.).

Посмотримъ, каковы были, по ихъ боевымъ качествамъ, арміи обѣихъ этихъ государствъ передъ войною 1870 года.

Пѣхота.

По составу людей пѣхота въ обѣихъ арміяхъ была почти одинакова, но французская вооружена была несравненно лучше: она имѣла скорострѣльное ружье системы Шаспо, дѣйствительность котораго простиралась до 2.000 шаговъ, между тѣмъ какъ игольчатое ружье системы Дрейзе, служившее вооруженіемъ германской пѣхоты (кромя баварской, имѣвшей ружья системы Подевиальса; только четыре баварскихъ стрѣлковыхъ баталіона были вооружены весьма хорошимъ ружьемъ Вердера), дѣйствительностью не превосходило 600 шаговъ⁽²⁾. Скорость стрѣльбы изъ ружья

⁽¹⁾ Такъ, въ 1863 году одинъ изъ высшихъ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба издалъ анонимную брошюру (подъ заглавіемъ: Influence des inventions modernes sur l'art de la guerre), въ которой онъ предсталилъ необходимость реформъ въ вооруженіи, мобилизаціи и обученіи французской арміи; между прочимъ, въ этой брошюрѣ выставлялось, что въ виду оружія, зарптасемаго съ назвы, роль кавалеріи на поляхъ сраженія во многомъ измѣнилась сравнительно съ тою, какую она играла во времена Наполеона I. Бывшій въ то время военнымъ министромъ, маршалъ Раиндонъ, служившій прежде въ кавалеріи, вознегодовалъ за такое униженіе его рода оружія; по его порученію написано было опроверженіе, въ которое книга неизвѣстнаго автора называлась не имѣющею смысла, скорострѣльное ружье нигуда не годнымъ, а про кавалерію говорилось, что значеніе выраировъ на поляхъ сраженія осталось неизмѣннымъ, такимъ же, какъ во времена Маренго, Фридриха и Ватерлоо.

⁽²⁾ Замѣчательно, что Дрейзе только осуществилъ на практикѣ мысль, явившуюся еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія во Франціи и которому Паули. Въ 1813 году изобрѣтенное послѣднимъ скорострѣльное ружье было показано Напо-

Шаспо, среднимъ счетомъ, доходила до девяти выстрѣловъ въ минуту, изъ игольчатого—до шести. Вслѣдствіе болѣе легкаго вѣса патроновъ къ ружью Шаспо, французскій солдатъ могъ носить большее число патроновъ (90), чѣмъ германскій (80); считая же съ патронами, возимыми въ патронныхъ ящикахъ, слѣдовавшими за баталіонами и въ паркахъ, на французскаго солдата въ войну 1870 года приходилось болѣе 150 патроновъ, на германскаго же около 120.

Но за то обученіе стрѣльбѣ было весьма различно: у германцевъ оно велось строго, методично и систематически. На каждаго солдата, какихъ бы сроковъ службы онъ ни былъ, отпускалось по 120 боевыхъ патроновъ въ годъ; кромѣ того, баталіоны, представлявшіе артиллерійскому вѣдомству выпущенныя пули, получали извѣстное, пропорціональное количеству послѣднихъ число патроновъ, которые предназначались для практики менѣе искусныхъ стрѣлковъ. Считая эти дополнительные патроны, на каждаго пѣхотинца въ годъ приходилось, среднимъ счетомъ, болѣе 130 патроновъ. Въ концѣ года начальниками частей производились самыя тщательныя смотры стрѣльбы.

У французонъ обращали вниманіе лишь на то, чтобы каждый солдатъ ежегодно выпускалъ извѣстное число пуль съ извѣстныхъ разстояній; точной же оцѣнки этихъ упражненій не производилось.

Всюду усвоивъ себѣ единственно разумный взглядъ на обученіе стрѣльбѣ, заключающійся въ томъ, что *наиболѣе совершенное оружіе требуетъ наиболѣе тщательнаго обученія дѣйствию имъ*, германцы, въ то же время, поняли, что *устыхъ дѣйствія изъ скорозряжаемаго ружья возможны только при толковой и разумной стрѣльбѣ*. Спокойные и хладнокровные, по характеру, пѣмцы твердо держались этого направленія и были убѣждены, что этими своими качествами они пріобрѣтутъ въ огнѣ верхъ надъ французами, которые будутъ стрѣлять съ меньшимъ хладнокровіемъ, а потому и менѣе вѣрно. Пѣмцы не ошибались: французы, по характеру, нервы, безповойны — такова была и ихъ стрѣльба; хотя, именно, вслѣдствіе врожденныхъ свойствъ ихъ характера имъ слѣдовало бы особенно попалечь на мето-

леону, который, наградивъ Паули 10,000 франковъ, приказалъ испытать его ружье; чѣмъ окончилась эти испытанія—неизвѣстно, а между тѣмъ Наполеонъ, будучи уже на островѣ св. Елены, высказывалъ убѣжденіе, что скорострѣльное ружье должно пріобрѣсти большое значеніе въ военномъ дѣлѣ. Драйзе служилъ въ мастерской Паули и, вернувшись въ отечество, принялся за изготовленіе ружья, которое и предложено имъ было, въ началѣ 40-хъ годовъ, прусскому правительству, щедро наградившему его за изобрѣтеніе, которымъ оно немедленно же воспользовалось. Французская же армія въ 1866 г. все еще имѣла ружье, за- ржаемое съ дула.

дичное обученіе и выдержку въ стрѣльбѣ. Но послѣдствіе легкаго отношенія къ такому важному дѣлу, какъ обученіе стрѣльбѣ, французы въ бою доходили до *большинства стрѣльбы*, до разстрѣльиванія патроновъ съ дальнихъ дистанцій, что такъ возможно при скорозряжаемомъ ружьѣ, если стрѣльба изъ него не будетъ строго регулируема. Съ самыхъ же первыхъ дѣлъ французы приняли привычку стрѣлять отъ бедра, подъ большимъ угломъ, не цѣлясь и выпуская патронъ за патрономъ, способъ стрѣльбы, самими французами окрещенный названіемъ: *le tir du moulin à café*.

Снаряженіе французскаго пѣхотнаго солдата вѣсило (85 ф.) гораздо болѣе, чѣмъ германскаго (65 ф.).

Обмундированіе въ обѣихъ арміяхъ далеко не удовлетворяло здравымъ требованіямъ. Въ германской арміи въ особенности неудовлетворительны были каски, уступавшія по удобству французскому кэпи; но въ германской арміи многія части дѣлали походъ въ фуражкахъ, еще болѣе удобныхъ, чѣмъ кэпи. За то собственно обмундированіе германцевъ, хотя и неудобное, было однообразнѣе и проще французскаго, гдѣ гнались за щегольствомъ, красотой, и которое доведено было до величайшаго разнообразія яркихъ красокъ (по выраженію Трошю — *notre armée n'était plus qu'une armée à plumets*).

Кавалерія.

По составу лошадей, вооруженію и снаряженію, между французскою и германскою кавалеріею особенной разницы не было; но пѣмцы, въ особенности пруссаки, гораздо лучше ѣдоки, чѣмъ французы. Во французской кавалеріи исключительное вниманіе обращалось на обученіе движенію и дѣйствию въ сжатомъ строю; въ прусской кавалеріи, на ряду съ обученіемъ тому же самому, обращалось еще особенное вниманіе на одиночныя дѣйствія, на развитіе въ людяхъ сметки и на преодоленіе препятствій какъ отдѣльными всадниками, такъ и строемъ. Пруссаки гораздо болѣе любятъ лошадей и лучше, старательнѣе ухаживаютъ за ними. Французы преимущественно заботились лишь о томъ, чтобы лошади были въ тѣлѣ; пруссаки же, хотя вообще и берегутъ лошадей, но и не жалѣютъ ихъ въ томъ отношеніи, чтобы довести алжоры до возможнѣйшей быстроты и чтобы проходить значительныя разстоянія на большихъ алжорахъ. Производимыми подобнымъ образомъ ученіями, лошади ихъ были отлично наскананы; прусскіе кавалеристы при атакахъ на пѣхоту могли поднимать своихъ лошадей въ галопъ съ 1,000 шаговъ. Благодаря же пріученію лошадей къ выносливости, пруссаки иногда оставались по 24 часа на копь, не кормя.

Но всѣмъ этимъ причинамъ прусская кавалерія, въ отношеніи быстроты и подвижности, неизмѣримо превосходила французскую. Кроме того, германцы вдвое превосходили французовъ числомъ кавалеріи, что, при равенствѣ даже прочихъ условій, давало германцамъ на войнѣ важныя преимущества въ отношеніи маскированія своихъ движеній и разшбыванія.

Артилерія.

Артилерія была излюбленнымъ родомъ оружія во французской арміи и пользовалась въ ней большимъ уваженіемъ; въ нее поступали лучшіе люди; она была выше пѣхоты и кавалеріи по составу офицеровъ. Наполеонъ III особенно усердно занимался вопросами артилерійской техники; ему преимущественно обязана артилерія изобрѣтеніемъ наръзныхъ орудій, дѣйствіемъ которыхъ французы не мало озадачили австрійцевъ въ 1859 году. Но разъ поставивъ свою артилерію на высшую, сравнительно съ прочими государствами, степень, французы въ теченіе десяти лѣтъ не пропавели къ ней никакихъ существенныхъ измѣненій, настоятельность которыхъ вызывалась, однако, усовершенствованіями, вводимыми въ артилерію другихъ армій.

Прусская артилерія въ войну 1866 года оказалась оружіемъ, принесшимъ наименѣе пользы, и во многомъ уступала австрійской. Поэтому пруссаки постыжились воспользоваться и относительно этого рода оружія наукою 1866 года, радикально переделавъ свою артилерію и измѣнивъ ея тактику. Къ войнѣ 1870 года вся германская полевая артилерія состояла изъ наръзныхъ орудій, заряжаемыхъ съ казны, между тѣмъ какъ французы по-прежнему оставались при наръзныхъ орудіяхъ, заряжаемыхъ съ дула. У германцевъ было два калибра—4-хъ и 6-ти-фунтовые, у французовъ три — 4-хъ, 8-ми и 12-ти-фунтовые; германскія орудія, заряжаемыя съ казны, значительно превосходили французскія мѣткостью и скоростью заряжанія, а 4-хъ-фунтовый превосходили таковыя же французскія дальностью.

Наполеону III и французскимъ артилеристамъ хорошо были извѣстны преимущества германской артилеріи. Французскій военный агентъ въ Пруссіи, полковникъ Стофель, давалъ о ней подробнѣйшіе отчеты; сами французскіе офицеры имѣли случаи во-очію ознакомиться съ орудіями прусской системы въ 1867 году, въ бельгійскомъ лагерѣ въ Беверлоо и потомъ на версальскомъ полигонѣ, куда были доставлены прусскія орудія; наконецъ, въ 1868 году заводъ Крупа обращался къ Наполеону III съ предложеніемъ услугъ. Доставляемыя свѣдѣнія препрощались въ артилерійскій техническій комитетъ, а письмо отъ завода

Крупа, вмѣстѣ съ отчетами объ испытаніи его орудій, Наполеонъ III послѣдилъ немедленно отправить председателю этого комитета, Лебёфу. Но и большинство членовъ артилерійскаго комитета, и его председатель нашли множество недостатковъ въ круповскихъ орудіяхъ и признали преимущество французскихъ орудій.

Правда, во Франціи велись опыты, имѣвшіе цѣлю усовершенствовать артилерію, но, тѣмъ не менѣе, никакихъ улучшеній въ системѣ орудій введено не было. За то изобрѣтено было Наполеономъ III совершенно новое орудіе—митральёза, въ могучемъ дѣйствіи которой онъ не сомнѣвался. Наполеонъ III до того разсчитывалъ на поразительное дѣйствіе, которое должна произвести эта машина, извергающая въ короткое время массу пуль на 600—700 сажень, что старался всячески скрыть свое изобрѣтеніе отъ пруссаковъ; секретно изготовленные и затѣмъ припрятанныя митральёзы выданы были въ сформированныя для нихъ батареи только передъ самымъ выступленіемъ въ походъ, почему прислуга не умѣла съ ними обращаться. А между тѣмъ, изъ трехъ батарей каждой пѣхотной дивизіи одна состояла изъ митральёзъ, въ чемъ опять-таки выразилось преувеличенное понятіе объ ихъ значеніи и недостаточное усненіе себя свойствъ этого новаго орудія, не способнаго состязаться съ пушкою, а пригоднаго только для исключительныхъ случаевъ и потому могущаго входить только въ составъ резерва артилеріи. Къ тому же французскія митральёзы оказались на практикѣ весьма несовершенными по своему устройству.

Такимъ образомъ, германцы имѣли къ войнѣ 1870 года артилерію, по достоинству своихъ орудій превосходящую французскую. Отношеніе орудій къ численности армій, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, было почти одинаково—по три орудія на 1,000 человекъ; если же откинуть митральёзы, то во французской арміи придется съ небольшимъ $2\frac{1}{2}$ орудія на 1,000 человекъ. Но за то въ общей массѣ орудій германцы почти вдвое превосходили французовъ (1477 противу 788). Кроме того, послѣдніе уступали германцамъ числомъ орудій большаго калибра: на корпусъ равной силы у французовъ имѣлось двѣ 12-ти-фунтовые батареи, между тѣмъ какъ у пруссаковъ шесть 6-ти-фунтовыхъ, хотя и уступавшихъ нѣсколько по дальности и силѣ французскимъ 12-ти-фунтовымъ, но во многомъ превосходившихъ въ этихъ отношеніяхъ ихъ 4-хъ-фунтовый орудія.

На каждое французское орудіе имѣлось съ небольшимъ 100 снарядовъ, у германцевъ около 230—240. У послѣднихъ всѣ орудія возились шестью лошадьми; французскія же 4-хъ-фунтовыя—четырьмя, отчего германская артилерія превосходила французскую подвижностью, не

говори уже о томъ, что своимъ мирнымъ обученіемъ она была подготовлена къ гораздо быстрѣйшему маневрированію и лучшему преодолѣнію препятствій.

Относительно дѣйствій изъ орудій, прислуга германская несравненно превосходила французскую въ спокойствіи и хладнокровіи.

Тактическая подготовка войскъ.

Легкое отношеніе французовъ къ дѣлу, выразившееся, какъ мы видѣли выше, въ организаціи, мобилизаціи, административной части, въ пооруженіи артилеріи и проч., отразилось и въ дѣлѣ обученія войскъ. Какъ бы оно у нихъ ни велось въ мирное время, французы были увѣрены, что въ военное время на помощь имъ явится вдохновеніе, которое унажить ихъ что дѣлать. Убажывая себя воспоминаніями прошлаго, они были увѣрены въ томъ, что изъ рядовъ арміи явятся у нихъ геніи, противъ которыхъ никто не устоитъ. Такимъ образомъ, ослѣпленные самообольщеніемъ и воспоминаніями первой имперіи, они не хотѣли тратить времени на изученіе перемѣнъ въ военномъ дѣлѣ.

Пруссаки, наоборотъ, не рассчитывали на счастливыя случайности, на появленіи изъ среды своей геніевъ. Усиленнымъ трудомъ, добросовѣстнымъ изученіемъ ремесла и усердною подготовкою себя къ дѣлу рассчитывали они достигнуть цѣли. Обученіе войскъ ведется ими въ строгой системѣ, причемъ не забывается ни одна отрасль военного воспитанія. Солдатъ обучается въ Пруссіи не мишуринымъ мелочамъ, но преимущественно тому, что онъ долженъ дѣлать на войнѣ.

Послѣ войны 1866 года пруссаки тщательно принялись за исправленіе всѣхъ оказавшихся у нихъ тогда погрѣшностей по тактикѣ. Особенное вниманіе обращено ими было на употребленіе кавалеріи и артилеріи въ бою и на распредѣленіе различныхъ родовъ оружія въ походныхъ порядкахъ.

Съ принятіемъ наръзанныхъ орудій, съ увеличеніемъ мѣткости и дальности артилеріи, тактика пѣхоты должна была значительно измѣниться; уже въ 1866 году пруссаки являлись съ боевымъ порядкомъ, состоящимъ изъ мелкихъ частей, ротъ, лучше баталіонныхъ колоннъ примѣняющихся къ мѣстности и укрываемыхъ отъ выстрѣловъ. Въ появившейся вскорѣ послѣ этой войны брошюрѣ Фридриха-Карла: «L'art de combattre les français», въ основанія дѣйствія пѣхоты ставились: 1) увеличеніе значенія разсыпнаго строя и употребленіе строя по-ротно, какъ преимущественной формы передовой части боеваго порядка; 2) увеличеніе глубины боеваго порядка, съ цѣлью увеличенія резервовъ, дабы, при помощи ихъ, дать большую устойчивость флангамъ и облегчить проия-

водство фланговыхъ атакъ. Эти два принципа новѣйшей тактики пѣхоты послужили основаніемъ прусскому уставу 1868 года, и въ этомъ духѣ началось съ тѣхъ поръ обученіе массъ германской пѣхоты. Французскіе офицеры, присутствовавшіе на ея маневрахъ, могли во-очію убѣдиться въ достоинствахъ подобной тактики; такъ и доносили Они своему военному министерству; но пѣхотный комитетъ, рассматривавшій эти донесенія, находилъ, что нѣчему учиться у прусаковъ французамъ, еще въ войны революціи давшимъ обширное примѣненіе разсыпному строю и дѣйствию мелкими частями.

И французы оставались при уставѣ 1791 года, нѣсколько измѣненнымъ въ 1830-хъ и 1860-хъ годахъ. По этимъ уставамъ пѣхота строилась въ двѣ линіи по-баталіонно. Вторая линія отъ первой въ 400—600 шагахъ, причемъ нисколько не заботились о примѣненіи этого деревяннаго боеваго порядка къ мѣстности. Въ видахъ же необходимости изыскать мѣры къ уменьшенію потерь отъ огня принято было за правило, въ случаѣ надобности, ложиться; кромѣ того, маршалъ Ніэль предписалъ обучать войска быстрому устройству ровиковъ для стрѣлковъ. Съ принятіемъ ружья системы Шаспо, французы, полагаясь на силу его, обратили исключительное вниманіе на приученіе людей къ огню массами съ дальняго разстоянія. Уставами 1867 и 1868 годовъ освящена была тактика огня, оборона принята за принципъ, а къ атакѣ полагалось прибѣгать только тогда, когда непріятель будетъ достаточно ослабленъ огнемъ. Всѣ эти нововведенія вели только къ стѣсненію дѣйствій войскъ, придавали имъ пассивный характеръ и нисколько не соответствовали духу французскаго солдата, врожденному ему «élan»; они должны были уронить по французамъ увѣренность въ силѣ штыка, этого вершителя боя, достоинства котораго такъ кѣрно оцѣнили Наполеонъ III передъ войною 1859 года и которыхъ, въ теченіе ея, французы молодецки работали. Самые атаки французы продолжали производить въ томъ же порядкѣ, какъ это дѣлалось въ Италіи, Крыму, еще при Наполеонѣ I — въ баталіонныхъ колоннахъ. Но сомкнутый строй никогда не приходился по вкусу французамъ и въ немъ дѣйствовать они не умѣли; въ разсыпномъ же строю они дѣйствовали прекрасно, но, какъ указано было выше, недостаточно умѣли распоряжаться огнемъ.

Въ обученіи германской пѣхоты обращалось одинаковое вниманіе на дѣйствія, какъ въ сомкнутомъ, такъ и въ разсыпномъ строю; движенія перваго производились быстро, точно, спокойно; въ разсыпномъ строю обращалось особенное вниманіе на приученіе людей примѣняться къ мѣстности и на регулированіе огня.

Еще рѣзче была противоположность въ способѣ обученія кавалеріи.

Пруссаки, вполне уяснивъ себѣ современную трудность для кавалеріи дѣйствія большими массами на полѣ сраженія и пользу, которую могутъ принести небольшія ея части, въ особенности же, цѣли огромное значеніе кавалеріи до боя и послѣ него — распредѣлили ее по пѣхотнымъ корпусамъ и дивизіямъ, и если сохранили самостоятельную кавалерійскія дивизіи, то преимущественно для дѣйствій на значительныя разстоянія передъ фронтомъ арміи до и послѣ боя и на флагахъ ея въ бою.

Въ противоположность пруссакамъ, французскіе кавалерійскіе генералы ничего не хотѣли знать о вліяніи, обнаруживаемомъ усовершенствованіями огнестрѣльнаго оружія на дѣйствія кавалеріи; они ставили за идеаль употребленіе ея во времена первой имперіи, маневрированіе и атаки массами, подобно примѣненнымъ подъ Бородинымъ и Ватерлоо, и не хотѣли слышать о какихъ-либо нововведеніяхъ. Маршалъ Ніэль, далеко не раздѣлявшій подобныхъ мнѣній, издавалъ превосходную инструкцію для дѣйствія кавалеріи на войнѣ, — инструкцію, въ которой совершенно вѣрно опредѣлялось современное значеніе кавалеріи и указывались соответствующіе тому способы дѣйствія ея. Но кавалерійскими начальниками эта инструкция была встрѣчена съ крайнимъ неудовольствіемъ; въ ихъ глазахъ она посягала на ихъ командныя права. Со смертію Ніэля, кавалерійскій комитетъ поспѣшилъ добиться отъ Лебёфа отъѣзда ненавистной инструкции.

Это отсутствіе пониманія во французскихъ кавалерійскихъ генералахъ свойствъ своего рода оружія поставило французскую кавалерію въ ту печальную роль, которую она разыграла въ 1870 году, не смотря на прекрасный духъ ея офицеровъ и на многократные примѣры атакъ, произведенныхъ ею съ рѣдкимъ безстрашіемъ. Вся система обученія французской кавалеріи заключалась въ сохраненіи ея въ цѣлости къ моменту удара, въ дѣйствіяхъ въ сомкнутомъ строю. Германская же кавалерія въ равной мѣрѣ обучалась какъ сомкнутымъ, такъ и одиночнымъ дѣйствіямъ. вполне сознавалъ впаченіе развѣдывательной службы, пруссаки обращали особенное вниманіе на ознакомленіе своихъ кавалеристовъ не только съ формами, но и съ духомъ, цѣлями и результатами этой важной отрасли дѣятельности кавалеріи. У французовъ же этотъ отдѣлъ воспитанія кавалеріи былъ совершенно упущенъ, благодаря чему, французская армія представила въ 1870 году, можно сказать, единственный въ военной исторіи примѣръ совершеннаго невѣдѣнія о томъ, гдѣ находился непріятель, и непрерывныхъ печальныхъ нападеній на нее. вмѣсто того, чтобы, подобно германской кавалеріи, находиться впереди, иногда на нѣсколько переходовъ, французская ка-

валерія держалась позади пѣхоты; вмѣсто того, чтобы, подобно кавалеріи своихъ противниковъ, рыскавъ по равнымъ направленіямъ, смѣло удаллись небольшими развѣздами на десятки верстъ отъ своихъ частей, французскіе кавалерійскіе начальники если и предпринимали (поучивъ на то приказаніе свыше) рекогносцировки, то производили ихъ большими частями, слѣдуя въ колоннахъ, верстъ на пять, па шесть отъ мѣстъ расположенія, и спокойно возвращались, ничего не открывъ. Нѣкоторые же изъ французскихъ кавалерійскихъ начальниковъ не рѣшались удалиться даже и па такіа разстоянія, требуя для того придачу вмѣ пѣхоты! И дѣйствительно, предпринимаемая изрѣдка рекогносцировки проваподились, по большей части, отрядами изъ пѣхоты съ кавалеріей; отъ этихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ, двигавшихся исключительно по дорогамъ, высылались (такъ же, какъ и отъ колоннъ на маршѣ), на разстоянія отъ одной до трехъ верстъ, пѣшіе или конные патрули, которые предпочитали открытыя мѣста и всячески избѣгали пересѣченныхъ мѣстъ и лѣсовъ, за опушкою которыхъ нерѣдко притаивались нѣмецкіе развѣзды и сповойно пересчитывали и выслѣживали непріятеля.

Все это объясняется совершеннымъ пренебреженіемъ, въ которомъ находилось во французской арміи обученіе въ мирное время сторожевой и развѣдывательной службамъ.

Смѣлость непріятельскихъ развѣздовъ поразила французовъ, и начальники ихъ поняли, что назначеніе кавалеріи состоитъ не въ одной охранѣ своихъ войскъ, но и преимущественно въ розыскиваніи непріятеля и развѣдываніи о немъ. Поэтому, въ концѣ іюля, начальникомъ главнаго штаба послана была частнымъ начальникамъ слѣдующая инструкция: «упражняйте ваши войска въ самомъ тщательномъ охраненіи, посылайте патрули, рекогносцировки и проч. Они скоро встрѣтятъ непріятеля, который давно, еще въ мирное время, приученъ исполнять сторожевую службу въ лагеряхъ, на бивакѣ и на квартирахъ. Дайте въ этомъ смыслѣ указанія начальникамъ частей и устройте по возможности больше ученій».

«Покажите вашу кавалерію», говорили нѣсколько спустя, «она должна произнести дальнія рекогносцировки по всей линіи р. Сары; пусть она не боится дальнихъ развѣздовъ за границу, принимая необходимыя предосторожности. Прикажите командирамъ посылаемыхъ вами отрядовъ доносить вамъ обо всемъ, что они увидятъ».

Но инструкции, даваемая въ послѣдніи минуты, не могли, конечно, поправить дѣла, требовавшего основательной предварительной подготовки.

Въ 1866 году прусская артилерія была разбрасываема по поход-

нимъ колоннамъ и, большею частью, слѣдовала въ хвостъ ихъ, отчего опаздывала на поля сраженій, вводилась въ дѣло по частямъ, разбрасывалась и вообще не оказывала нѣхотѣ должнаго содѣйствія въ подготовкѣ ея атакъ. Послѣ войны 1866 года пруссаки приняли за правило массировать артилерію въ походѣ ближе къ головѣ колоннъ, въ бою—въ боевой линіи, съ тѣмъ, чтобы сосредоточивать могучій огонь по пункту, избранному для атаки; было принято—артилеріи выѣзжать разомъ на самыя дѣйствительныя дистанціи и не жѣнять понапрасну позиціи.

Всѣ эти измѣненія въ тактикѣ артилеріи были игнорируемы французами; попрежнему, ихъ артилерія разбрасывалась по колоннамъ и по фронту боеваго порядка, дѣлала частыя переѣзды и проч.

Не довольствуясь усовершенствованіемъ тактики каждаго рода оружія въ отдѣльности, пруссаки обратили особенное вниманіе на совокупныя ученія всѣхъ родовъ войскъ, которымъ посвящалось значительное время ихъ лагерныхъ сборовъ, а каждую осень производили корпусные маневры. Эти занятія, веденныя рациональнымъ образомъ, служили къ выработкѣ тактическихъ вопросовъ, практикою для высшихъ начальниковъ, знакомяли ихъ съ войсками и упрочивали взаимодѣйствіе между различными родами оружія.

Во Франціи и на это не было обращено должнаго вниманія; многія части одного рода оружія по нѣскольку лѣтъ не видѣли частей другаго рода; если онѣ иногда и собирались вмѣстѣ, то скорѣе только для проформы, дѣйствовали и тутъ такъ же, какъ потомъ дѣйствовали на войнѣ: полки, батареи—сами за себя, не сообразуясь съ товарищами.

Высшіе начальники если являлись къ войскамъ, то, большею частью, для того, чтобы порисоваться, блеснуть краснорѣчіемъ и, затѣмъ, считая свое дѣло сдѣланнымъ, возвращались восвояси.

Въ знаменитомъ шалонскомъ лагерѣ главное вниманіе обращалось на парады и на разныя военныя потѣхи, въ родѣ разыгрыванія прикѣрныхъ сраженій. Самъ Наполеонъ III гораздо менѣе заботился о тактической подготовкѣ войскъ, сколько о стройномъ и красивомъ прохожденіи церемониальнымъ маршемъ (1) и дружномъ привѣтственномъ крикѣ

(1) У пруссаковъ тоже занимались церемониальнымъ маршемъ, но какъ воспитательнымъ средствомъ и для проверки лихости сплоченности части. Занимались имъ не только въ мирное время, но даже во время войны: едва наступало нѣсколько дней отдыха—принимались за церемониальный маршъ, чтобы люди не распускались и не облыжнялись, не лодарничали.

Для лучшей оцѣнки того, на сколько осмысленно и цѣлесообразно ведется въ Пруссіи обученіе войскъ и на сколько поверхностно это дѣлалось во Франціи, мы приведемъ два ученія: французское (1 бриг. пѣх., 1 батарея и 1 вск.) и прусское (всего 1 ротъ), замѣстнаго описаніе этихъ ученій изъ лекцій о войнѣ 1870 г.

«Vive l'Empereur». Высшее же начальство заботилось преимущественно о томъ, чтобы въ угоду императору сдѣлать войско параднымъ, билло лишь на показную сторону.

Приведенный очеркъ тактической подготовки обѣихъ армій можетъ, какъ намъ кажется, достаточно уяснить неравенство, въ какомъ онѣ въ этомъ отношеніи находились.

генераль-маіора Леера, въ свою очередь замѣтловавшаго описаніи ихъ изъ видѣній, сообщенныхъ полковникомъ Витмеромъ.

«Въ С.-Морѣ для ученія отряда, довольно крупнаго, изъ трехъ родовъ войскъ, выбрана была мѣстность совершенно ровная и открытая,—вѣтростѣ площадь. Таинствѣмъ обрѣзкомъ, одинъ изъ весьма важныхъ элементовъ, съ которыми войска должны были, по возможности, тщательно освоены, были отброшены, черезъ что ученіе должно было значительно утратить степень своей поучительности. Далеко тактическаго предположенія не было сдѣлано никакого, отъ чего ученіе должно было явиться малоосмысленнымъ. Войска, съ самаго начала ученія, выстроились и все время дѣйствовали въ развернутомъ строѣ; въ серединѣ, на одной выеотѣ съ пѣхотой, стояла артилерія. Отряды были огнемъ батальонный, затѣмъ залпами по-батальонно, по-полубатальонно и по-ротно; стрельба производилась непрерывно.

«Пострѣлявъ съ 1/4 часа, отвели войска нѣсколько назадъ, остановили и снова открыли ту же пальбу. Наконецъ, повели батальоны въ атаку; но какъ эта атака была произведена?

«Съ мѣста, батальоны вали на руку и въ развернутомъ фронтѣ пошли подъ музыку шагомъ, черезъ-чуръ уже медленнымъ для атаки, особенно при противникѣ, вооруженномъ скорострѣльными ружьями. Прошли шагомъ сто... батальоны остановились и снова начали стрѣлять; пострѣляли, опять взяли на руку и опять мѣрными шагомъ двинулись впередъ, и опять остановились, и опять начали стрѣлять.

«Кавалерія, во время ученія, то показывалась, то пропадала, ни мало не согласуя своихъ движеній съ дѣйствіями пѣхоты.

«Ученіе закончилось церемониальнымъ маршемъ. Ученіе продолжалось съ небольшимъ чѣмъ времени (въ половинѣ его была продолжительный отдыхъ), и въ теченіе этого времени люди разстрѣляли весь свой патроны; а ни патрона было выдана по 45.

«Таинствѣмъ образомъ, главное отличительное чертою было охарактеризованнаго французскаго ученія является малая поучительность, подтвержденіе нерациональнаго выбора мѣстности для производствъ ученія, неосмысленія его съ тактической стороны и недостатка соображенія дѣйствій различныхъ родовъ войскъ между собою. Принятая же въ расчетъ какъ происходила была атака (медленное наступленіе, прерываемое безирострѣльными остановками для стрельбы) и затѣмъ безцѣльную обильную стрельбу, придется упрямству это ученіе не только въ малой поучительности, но даже въ нравствѣ въ войскамъ важнаго предостереженія о боѣ, въ особенности о такихъ моментахъ какъ атака, и того обшестна стрельбы, въ которое такъ сильно полагались французы въ побѣдную войну.

«Прусское ученіе, на которое удалось присутствовать полковнику Витмеру, производена было одной ротѣ (ученіе въ боевоймъ патронами). Для ученія была выбрана мѣстность плоскообразная (демпле, обрѣзкомъ нѣсколькими озерами), переставъ въ пяти мѣхъ Потедамъ.

«Сдѣлано было предположеніе, что отрядъ изъ нѣсколькихъ батальоновъ плетется по дорогѣ изъ Потедамъ къ Берлину; ротѣ приказано было занять дѣлать Т. СІХ. Отд. I.

Генеральный штабъ.

Если разные роды оружія представляют собою какъ бы члены одного тѣла, мозгъ котораго—высшее военное начальство, то генеральный штабъ является какъ бы первами, посредствомъ которыхъ мозгъ сообщается съ тѣломъ. Ослабьте или разрушите нервъ, и членъ тѣла парализованъ. Пруссія вполне усвоила себѣ этотъ взглядъ и проводила его въ своемъ генеральномъ штабѣ со времени Гейзенпау.

Составъ генеральнаго штаба въ Пруссіи вполне цѣлесообразенъ.

Во 1-хъ, потому, что выборъ въ него чиновъ дѣлается изъ всего числа офицеровъ арміи и притомъ самымъ строгимъ образомъ. Ежегодно является на экзаменъ въ академію около 120 поручиковъ, прослужившихъ не менѣе трехъ лѣтъ; изъ нихъ 40 человекъ припимаются въ академію и изъ этого числа, по окончаніи трехлѣтняго курса, 12 лучшихъ представляются начальствомъ академіи начальнику главнаго штаба, какъ достойные быть офицерами генеральнаго штаба; но ихъ не переводятъ туда тотчасъ же, а откомандировываютъ на 6—9 мѣсяцевъ въ части того рода оружія, въ которомъ они не служили прежде. Офицеры, которые и здѣсь выкажутъ себя съ лучшей стороны, прикомандировываются къ главному штабу, гдѣ съ ними знакомятся во всей подробности и дѣлаютъ окончательный между ними выборъ. По прослуженіи въ некоторомъ времени въ главномъ штабѣ, всѣ бывшіе на испытаніи офицеры возвращаются въ свои полки и, затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, ихъ переводятъ въ генеральный штабъ, который, независимо отъ офицеровъ, окончившихъ курсъ въ академіи, комплектуется еще офицерами, взятыми прямо изъ строя по рекомендаціи ихъ начальниковъ,

между озерами, находящимися на флангѣ пути наступленія, и оборонять его противъ непріятеля, показавшагося съ той стороны озера, до тѣхъ поръ, пока колонна минуетъ означенное дефиле.

«И такъ, мѣстность была выбрана поучительная, и затѣмъ ученье осмысленное постановкою цѣли, извѣстными тактическими предположеніемъ.

«Далѣе ученье начинается именно съ того, съ чего начинается дѣло: обѣ стороны выставляютъ патрули. Когда замѣчено было приближеніе непріятеля, тотчасъ же была разсыпана цѣпь, затѣмъ занялась перестрѣлка и произошло столкновеніе между цѣпями; рота начала наступать, отбросила непріятеля и заняла очень выгодную позицію на гребестыхъ высотахъ, позади дефиле, шаговъ въ 150 шириною.

«Послѣ болѣе или менѣе продолжительной перестрѣлки на занятой позиціи, рѣшено было перейти въ наступленіе; произведена была атака, которою и окончилось ученье, продолжавшееся около 2 1/2 часовъ, во время которыхъ выпущено было въ воздухъ много патроновъ на человекъ.

«Въ этомъ учении, каждый шагъ, отъ начала до конца, является вполнѣ осмысленнымъ; все ученье имѣетъ характеръ вполнѣ раціонально постигнутой тактической задачи, разрѣшенной войсками на мѣстности».

по предварительномъ испытаніи этихъ офицеровъ въ рѣшеніи разныхъ задаваемыхъ имъ письменно вопросовъ и по испытаніи ихъ при главномъ штабѣ. Затѣмъ, всѣ офицеры, находящіеся въ генеральномъ штабѣ, передъ производствомъ въ чинъ, каждый разъ возвращаются, по крайней мѣрѣ на годъ, въ строй для командованія соответствующею ихъ чину частію, послѣ чего, если офицера продолжаютъ считать достойнымъ служить въ генеральномъ штабѣ, онъ обратно переводится въ него съѣдущимъ чиномъ.

Во 2-хъ, въ генеральный штабъ являются офицеры честолюбивые, дѣятельные и работячіе; честолюбивые, потому что производство здѣсь гораздо быстрѣе, чѣмъ въ строю; дѣятельные и работячіе, потому что они заранѣе знаютъ, что во все время прохожденія ими службы имъ не дадутъ зачѣнуться, а едва замѣтятъ, что они почему либо не соответствуютъ службѣ въ генеральномъ штабѣ, ихъ, нѣсколько не шикнувши при этомъ ихъ самолюбія, немедленно удалитъ изъ него.

Въ 3-хъ, взятые изъ строя, они обратными периодами въ строй не теряютъ съ ними общенія; все время службы своей въ генеральномъ штабѣ они проводятъ частію при поѣздкахъ, частію въ занятіяхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ службѣ войскъ въ военное время (полевыя поѣздки какъ офицеровъ генеральнаго штаба въ каждомъ корпусѣ, подъ руководствомъ его начальника, такъ иногда и офицеровъ главнаго штаба, подъ руководствомъ начальника послѣдняго), или (въ отдѣленіяхъ главнаго штаба) въ занятіяхъ, имѣющихъ цѣлю изслѣдованіе различныхъ вопросовъ военного искусства и театровъ войны.

Въ 4-хъ, влѣдствіе именно того, что офицеръ прусскаго генеральнаго штаба постоянно занятъ усовершенствованіемъ себя въ своей специальности, офицеръ, который, почивъ на лаврахъ приобретенной имъ учености, предался бы праздности или даже только слѣпому исполненію своихъ обязанностей и пересталъ бы слѣдить за наукою,—такой офицеръ не могъ бы остаться въ прусскомъ генеральномъ штабѣ, въ которомъ всѣ офицеры, начиная съ ихъ представителя—Мольтке, создаютъ имель, высказанную Наполеономъ I: *«трудъ можетъ замѣнить гениальность»*.

Французскій генеральный штабъ преимущественно пополнялся офицерами, выпущенными изъ Сентъ-Сирской и политехнической школы; достаточно было юношѣ 21-го года получить здѣсь удовлетворительные баллы на выпускномъ экзаменѣ, чтобы быть допущеннымъ къ вступленію въ апликаціонную школу генеральнаго штаба, пребывавъ въ которой два года и выдержавъ удовлетворительно выпускной экзаменъ, онъ производился въ поручики и зачислялся въ генеральный штабъ, съ

прикомандированіемъ на известное время къ различнымъ родамъ оружія; отслуживъ эти сроки въ войскахъ, онъ, затѣмъ, навсегда оставался офицеромъ генеральнаго штаба, хотя бы не выказывалъ никакихъ способностей къ службѣ въ немъ, былъ бы лѣнивъ и нисколько не занимался бы своею специальностію.

При подобныхъ способахъ пополненія французскаго генеральнаго штаба, между его офицерами хотя и встрѣчались лица, нисколько не уступавшія по своимъ достоинствамъ прусскимъ офицерамъ генеральнаго штаба, но за то послѣдній не могъ считать въ своемъ числѣ жалкихъ посредственностей, которыми изобилуютъ корпусъ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, имѣвшій въ своемъ составѣ даже такихъ, которые не умѣли читать карты и плановъ, никогда не развертывали военно-исторической книги, не знали ни одного иностраннаго языка, не имѣли понятія о маневрированіи различныхъ родовъ оружія, не умѣли выбрать бивака, не могли сдѣлать нѣсколькихъ верстъ верхомъ, тогда какъ въ Пруссіи офицеръ генеральнаго штаба не можетъ не быть хорошимъ ѣздокомъ, иначе его не оставили бы въ генеральномъ штабѣ.

Французскіе офицеры этого корпуса въ мирное время почти вовсе отчуждены отъ войскъ; даже на маневрахъ имъ не поручаютъ веденіе ихъ. Между тѣмъ какъ прусскіе офицеры генеральнаго штаба почти совсѣмъ освобождены отъ служебной текущей переписки, которая въ штабахъ корпусовъ и дивизій преимущественно возлагается на жившихъ чиновъ, французскіе офицеры генеральнаго штаба проводятъ нѣрѣдко всю свою службу въ равныхъ бюро и канцеляріяхъ, въ писанинѣ массы неходящихъ и входящихъ бумагъ; многіе же изъ нихъ состоятъ личными адъютантами при генералахъ, ведутъ ихъ частную переписку или исполняютъ порученія. Такіе офицеры и на войнѣ исключительно заботились о квартирѣ и столѣ своего генерала, забывая о томъ, что войска нуждаются въ бивакѣ, водѣ, продовольствіи и проч.

Маршалъ Ніэль пытался сдѣлать коренную реформу французскаго генеральнаго штаба, принявъ за образецъ прусскій; но онъ встрѣтилъ столь сильную оппозицію своимъ видамъ, что не могъ осуществить ихъ, а преемникъ его, Лебёфъ, чтобы угодить разнымъ личнымъ интересамъ и самолюбіямъ, послѣдствіемъ затормозилъ начатое Ніэлемъ дѣло.

Такимъ образомъ, французскій генеральный штабъ не могъ быть на высотѣ своего призванія. Въ случаѣ войны, его офицерамъ приходилось выдѣлаться изъ канцелярій, приступить къ совершенно незнакомой имъ дѣятельности, имѣть дѣло съ незнаемыми имъ начальниками и войсками, заниматься такими вещами, которыя они или забыли, или никогда

практически не изучали; невольно и въ походѣ возвращались они къ болѣе привычнымъ для нихъ писарскимъ обязанностямъ.

Понятно, что при подобномъ различіи въ составѣ офицеровъ генеральнаго штаба, германскія арміи и части ихъ могли быть ведены несравненно лучше французскихъ. И дѣйствительно, германцы своими побѣдами во многомъ обязаны своему превосходному генеральному штабу.

Интендантство.

Интендантская часть въ обѣихъ арміяхъ пропала во время войны много несовершенствъ, но въ германской арміи, вслѣдствіе установленной въ ней системы административной децентрализаціи, все-таки эти недостатки обнаружались въ гораздо меньшей степени, чѣмъ во французской, при ея системѣ полнѣйшей административной централизаціи.

Въ Германіи каждый корпусъ имѣлъ въ мирное время свое интендантство, заведывавшее всѣми складами, находившимися въ районѣ расположенія корпуса и вполне снабженными всѣми предметами, необходимыми какъ при мобилизаціи войскъ, такъ и для выступленія ихъ въ походъ; вмѣстѣ же съ корпусомъ выступало и его интендантство.

Во Франціи имѣлись территориальныя интендантства, не выступавшія съ войсками, а для корпусовъ, вмѣстѣ съ ними, формировались и новыя интендантства. Всѣ же предметы довольствія были, какъ объяснено выше, сосредоточены въ трехъ-четырехъ пунктахъ, въ центральныхъ магазинахъ, откуда они уже потомъ отправлялись къ границѣ, къ пунктамъ сосредоточенія корпусовъ.

Система довольствія войскъ въ военное время основывалась во Франціи на тѣхъ же положеніяхъ, на какихъ оно производилось и въ мирное время, т. е. на снабженіи войскъ подвозами запасовъ изъ центральныхъ магазиновъ, откуда эти запасы распредѣлялись по корпусамъ и направлялись къ нимъ по мѣрѣ надобности; къ реквизиціямъ положено было прибѣгать только въ крайности. Въ Пруссіи, наоборотъ, довольствіе войскъ основывалось преимущественно на реквизиціяхъ, на снабженіи ихъ средствами края, и только при невозможности или неудобствѣ примѣненія этого средства войска довольствовались средствами, непосредственно за ними направлявшимися. За каждымъ корпусомъ слѣдовали пять провіантскихъ колоннъ, распредѣлявшіяся по дивизіямъ. Колонны эти имѣли пяти-дневный запасъ хлѣба, который могъ быть расходуемъ только въ томъ случаѣ, если полевые интендантства или войска не находили его на мѣстѣ. Для удобства реквизиціи прусаки старались направлять дивизіи или, по крайней мѣрѣ, корпуса по паралельнымъ дорогамъ, назначая каждой части соответствующій районъ для продо-

вольствія. Провіантскія колонны вмѣстѣ съ тяжелымъ обозомъ и парками слѣдовали позади войскъ, на разстояніи одного, много двухъ переходовъ, готовые всегда поснѣть къ нимъ во-время, по нисколько не стѣсняя ихъ движенія.

Во Франціи, вслѣдствіе неимѣнія постоянныхъ корпусовъ, ихъ интендантствъ и складовъ и вслѣдствіе массивованія запасовъ въ центральныя магазинахъ, пришло все направлять слѣдомъ за корпусами, отчего первоначально обозы запоздали, а войскамъ, во время сосредоточенія ихъ на границѣ, поневолѣ пришлось обратиться къ столь не любимымъ французскою администраціею реквизиціямъ, что, при неожиданности подобнаго способа снабженія и неприсутствія заблаговременныхъ мѣръ къ его регулированію, повело къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ относительно дисциплины войскъ.

По мѣрѣ прибытія обозовъ положеніе арміи не улучшилось, потому что, вслѣдствіе часто происходившаго скученія или направленія по одной дорогѣ цѣлаго корпуса, а иногда и нѣсколькихъ, или отправления всѣхъ обозовъ по одной дорогѣ и непосредственно за войсками, количество повозокъ доходило до громадныхъ размѣровъ (1), въ значительной степени стѣсняя подвижность войскъ.

Къ сказанному надо еще прибавить, что въ Германіи количество слѣдующаго за войсками обоза соображено до мельчайшихъ подробностей: табелями опредѣлено, сколько за каждою частію можетъ слѣдовать генеральскихъ, офицерскихъ и иныхъ повозокъ; для уменьшенія обоза, германцы вовсе отказались отъ употребленія въ походѣ палатокъ, располагая войска при отдыхѣ на бивакахъ, а при малѣйшей возможности — на квартирахъ. Во французской арміи, наоборотъ, не имѣлось никакого регламента относительно числа допускаемыхъ къ слѣдованію за войсками повозокъ; на почлегахъ же войска располагались въ палаткахъ, по той, будто бы, причинѣ, чтобы не увеличивать для жителей тягостей войны. Расположеніе же въ палаткахъ, несоразмѣрно увеличивая обозъ потребнымъ для возки ихъ количествомъ повозокъ, вело еще къ развитію въ войскахъ равныхъ потребностей къ комфорту, въ видѣ столовъ, кроватей, кухонъ и проч., что, опять-таки, приводило къ увеличенію обоза для возки всѣхъ этихъ принадлежностей (2).

Послѣ войны 1870 года французское интендантство подверглось силь-

(1) Такъ, при попыткѣ къ отступленію отъ Меца къ Вердуну, обозъ пяти корпусовъ былъ направленъ по одной дорогѣ, и если бы ему удалось по ней вытннуться, онъ занялъ бы до 80 верстъ.

(2) Разсказываютъ, что одинъ изъ пѣвиныхъ французскихъ генераловъ при былъ на мѣсто, назначенное ему для жительства, съ двумя тысячами индюговъ (около 125 пудовъ) багажа.

нѣйшимъ порицаніямъ и нападкамъ. Но виновно ли оно на столько въ беспорядкахъ по снабженіямъ войскъ, на сколько его обвиняютъ? По личному своему составу оно не уступало прусскому интендантству; чины его отличались усердіемъ, большинство — честностію. Но въ то время, какъ чины прусскаго интендантства комплектуются лицами, или завѣдомо къ тому способными, или изъ коммерсантовъ, людьми наторѣвшими въ торговыхъ дѣлахъ и съ привычкою для нѣмцевъ добросовѣстностію и ономіею устраивающими разныя закупки для правительства такъ же точно хорошо, какъ бы они ихъ дѣлали для себя, — члены французскаго интендантства прежде всего чиновники, принявшіе дѣйствовать по извѣстной рутинѣ; поэтому-то они оказались не въ силахъ сладить съ выпавшею на нихъ задачею въ военное время, когда уже нельзя было удовлетворить многочисленнымъ и безпрестанно разнообразившимся нуждамъ арміи тѣми способами, къ которымъ они привыкли въ мирное время. Зло французской организаціи интендантства заключалось еще въ томъ, что чины его, вмѣстѣ съ расходами, производили и контроль, не неси отвѣтственности за свои дѣйствія, почему операціи ихъ не могли получать должнаго направленія.

Различныя спеціальныя учрежденія.

Для исполненія различныхъ назначеній, служащихъ къ облегченію управленія и дѣйствій арміи, служатъ разныя спеціальныя команды (телеграфныя, желѣзнодорожныя и др.), которыя хотя и не занимаютъ въ арміи такого виднаго мѣста, какъ главныя роды оружія, но безъ которыхъ правильно организовавшая армія обойтись не можетъ. Въ Пруссіи всѣ эти учрежденія были организованы какъ нельзя тщательнѣе (1); благодаря же общеобязательной повинности, команды эти ком-

(1) При каждомъ прусскомъ корпусѣ войскъ имѣлось телеграфное отдѣленіе, при которомъ, въ пяти фургонахъ, возились шести и проволока на 35 верстъ. Кареты, въ которыхъ ѣдутъ телеграфисты, приспособлены для устройства телеграфныхъ станцій.

Въ войну 1870—1871 годовъ со стороны германцевъ дѣйствовало пять прусскихъ и одно баварское желѣзнодорожныхъ отдѣленій. Каждое изъ нихъ состояло изъ роты саперовъ и желѣзнодорожной команды, состоящей изъ техниковъ и рабочихъ. Общая численность ихъ простиралась до 3,000 чел. Германскія полевые желѣзнодорожныя отдѣленія оказались въ состояніи не только возстановлять желѣзные дороги въ тылу арміи по мѣрѣ ея движенія впередъ, но и устраивать новыя желѣзнодорожныя сообщенія, гдѣ въ томъ встрѣчалась особая необходимость (какъ то было, напримеръ, подъ Мецомъ). Общее протяженіе возстановленныхъ ими линій доходило до 2½ т. верстъ; для службы на этихъ французскихъ линіяхъ въ Германіи было вызвано 3½ т. человекъ, служившихъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Почтовое управленіе арміи, для организаціи котораго командировано было изъ Германіи, отъ почтоваго ведомства, до 2,000 чиновниковъ, также оказалъ

плентовались лицами, привычными къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ назначеній, и безъ откомандированія для того чинить изъ арміи, влекущаго за собою увеличеніе числа нестроенныхъ.

Во Франціи же организація и этихъ учрежденій была болѣе племѣе упущена. Такъ, въ ея арміи не было вовсе санитарныхъ командъ, какковыя, напримѣръ, имѣлись въ германской, и необходимость которыхъ вызывается не одними требованіями филантропіи, но и тѣмъ, чтобы избѣжать относа раненыхъ солдатами, покидающими для того ряды (1).

Нравственные качества солдатъ.

Сдѣлавъ сравненіе различныхъ боевыхъ элементовъ обѣихъ армій, намъ остается сравнить достоинства самаго матеріала, ихъ составляющаго.

Нравственные качества французскаго солдата гораздо болѣе бьютъ въ глаза, чѣмъ таковыя же качества германскаго солдата. Первый живѣе, находчивѣе, предприимчивѣе, горячѣе, впечатлительнѣе, способенѣе къ порывамъ бѣшеной храбрости, но, послѣ минутнаго увлеченія, онъ легко впадаетъ въ другую крайность—панику. Германецъ тоже храбръ, но гораздо хладнокровнѣе и разумнѣе француза. Онъ лѣзетъ въ опасность медленно, но настойчиво, и разъ ставъ на мѣстѣ или овладѣвъ чѣмъ-нибудь—держится умирнѣе француза, хотя французская армія тоже показала, что она, въ критическія минуты, или будучи поставлена въ безвыходное положеніе, умѣетъ стоять и умирать. Но болѣе своей впечатлительности, сердечности и перипости, французскій солдатъ готовъ съ увлеченіемъ пойти на смерть за идею, которой онъ сочувствуетъ, и по слову человека, который съумѣетъ задѣть его слабыя струны и расшевелить ихъ (что не трудно). Наоборотъ, онъ съ неохотою пойдетъ, а при малѣйшей поблажкѣ, пожалуй, и вовсе не пойдетъ драться за дѣло или за начальникомъ, которые ему не по сердцу. Германскій солдатъ не разсуждаетъ о свойствахъ идеи, за которую ему приказано драться; приказано—и копчено; также не подумаетъ онъ критиковать поставленнаго надъ нимъ начальника.

Французскій солдатъ капризенъ; чтобы умѣть управлять имъ, нуженъ большой талантъ; нужно ему часто улыбаться, по отношенію не смѣяться съ нимъ, иначе онъ легко переходитъ къ фамильярности и неуважительности. Французъ, вообще, не любитъ заниматься мелочами, а извѣстными войскамъ огромныя услуги по перепискѣ извѣстной и частной корреспонденціи (Аппендикъ, 164, 165).

(1) При изслѣдованіи и сравненіи различныхъ элементовъ французской и германской армій и связанныхъ съ ними учреждений, мы не исключаемъ медицинскую часть, предположивъ посвятить дѣятельности ея въ эту войну особую главу.

на службѣ не отличается склонностью къ строгому и пунктуальному исполненію всѣхъ мелочей ея, качество, составляющее надежнѣйшее средство къ поддержанію дисциплины и которое присуще почти всякому германцу. По натурѣ трудно подчиняющійся вождь другаго, французскій солдатъ легко забываетъ требованія дисциплины, если начальникъ не умѣетъ быть относительно его въ мѣру выскательнымъ и настойчиво, послѣдовательно требовательнымъ. Германецъ же болѣе послушенъ, какъ по своей натурѣ, такъ, въ особенности, по всему духу своего воспитанія. Еще мальчикомъ, въ школахъ, онъ подвергается самой строгой, почти военной дисциплинѣ и уже подготовленный въ ея духѣ, онъ вступаетъ на общественную дѣятельность, гдѣ поддерживается то же самое.

Французу нужно умѣть ловко льстить, не унижая при этомъ своего достоинства, постоянно щекотать его самолюбіе и похваливать—тогда отъ него можно всего добиться, даже безъ строгихъ формальныхъ приказаній, чего для вѣнца совершенно достаточно. Французъ пропикнуть въ высшей степени чувствомъ собственнаго достоинства и требуетъ обхожденія, не задѣвающего послѣднее. Онъ любитъ начальника, который видимо заботится имъ и его пуждами; любитъ когда начальникъ заговоритъ съ нимъ, но при этомъ предпочитаетъ рѣчь краткую, трескучую, хотя бы и пустую. Обращенію же германскихъ офицеровъ съ солдатами не отличается особенною деликатностью и привѣтливостію; съ солдатомъ они сухи, подчасъ грубы и надѣляютъ его безпрестанно длинными, педагогическими поученіями.

Французу трудно переломить свои привычки; онъ любитъ хорошенько отдохнуть послѣ труда и, между тѣмъ, какъ и немецъ, послѣ утомительнаго перехода, соединеннаго, можетъ быть, съ боемъ, безропотно становится на аванпосты, а послѣ пропеченной на нихъ почти столь же безропотно идетъ далѣе въ походъ, иногда сутки и болѣе оставаясь безъ пищи.—Французъ требуетъ, чтобы ему во время марша былъ кофе, а прийдя на bivakъ — la soupe, безъ чего онъ не ляжетъ и не пойдетъ далѣе; иначе онъ будетъ сильно не въ духѣ и при малѣйшемъ случаѣ готовъ будетъ провиниться противъ дисциплины.

При такомъ рѣзкомъ различіи въ природныхъ свойствахъ громаднаго большинства французскихъ и германскихъ солдатъ, управленіе французскими войсками становится гораздо труднѣе, чѣмъ германскими. Тѣмъ болѣе слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на доброточественный составъ первыхъ, на укорененіе между ними требованій дисциплины и тщательнаго удаленія отъ нихъ всего, могущаго подорвать

последнюю (1). По ничогу подобнаго во французской арміи не замѣчалось.

Между тѣмъ какъ въ Пруссіи, вслѣдствіе общеобязательной повинности, по закону не допускающей никакихъ изъятій, армія являлась дѣйствительною представительницею народа, включая въ себя всё, безъ изъятія, его элементы,—во Франціи, вслѣдствіе допущенія замѣщений, армія являлась, въ большей части своей, представительницею низшихъ классовъ народа—грубаго и невѣжественнаго пролетаріата. Частію по причинѣ большихъ выгодъ, которыя представляла гражданская или промышленная дѣятельность, а также вслѣдствіе возможности скорѣе получить отличія и сдѣлать карьеру на гражданскомъ, чѣмъ на военномъ поприщѣ; частію по причинѣ охватившаго всѣхъ достаточныхъ людей стремленія къ комфорту и покою, нежеланія отказываться отъ удовольствій ради военной славы,—всѣ сколько нибудь достаточныя семейства спѣшили воспользоваться предоставленнымъ закономъ правомъ и, вмѣсто подлежащихъ военной повинности членовъ своихъ, наняли замѣстителей, число которыхъ нѣрѣдко превышало половину ежегоднаго контингента (2). Эта разница въ фактическомъ, а не въ номинальномъ только исполненіи общеобязательной военной повинности вела къ громадной разницѣ въ отношеніяхъ солдатъ той и другой арміи къ своимъ обязанностямъ. Въ Германіи прохожденіе военной службы составляло священныя долгъ для всякаго гражданина: каждый пестъ ее съ сознаніемъ этого чувства; во Франціи ничего подобнаго быть не могло: солдатъ, поступающій на службу изъ за денегъ, имѣлъ въ виду лишь кушъ, который ему за то предстоитъ получить, и жизненныя удовольствія, которыми онъ, благодаря тому, могъ воспользоваться; въ немъ не могло быть внутренняго побужденія къ исполненію обязанностей службы, составляющей для него по нравственный долгъ, а только коммерческую аферу.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе уже однихъ этихъ причинъ, воинскій духъ германской арміи стоялъ неизмѣримо выше, чѣмъ во французской,

(1) Требования дисциплины, не нарушая правъ челоука, должны быть, однако, исполнены безапелляціонно; желанная и сознательная дисциплина есть еще лучшее, чѣмъ патриотизмъ, средство къ тому, чтобы заставить людей идти на смерть, по призыванію на то слыше. Такихъ взглядовъ на дисциплину и держались въ Пруссіи, но далеко не держались ихъ во Франціи. А между тѣмъ, при строгой, но справедливой дисциплинѣ изъ французскаго солдата можно сдѣлать что угодно; при мягчайшей же поблажкѣ къ требованіямъ дисциплины французская армія могла быстро расцвѣтнуть и обратиться въ толпу крикуновъ, пьяницъ, не думающихъ подчиняться старшимъ.

(2) Контингентъ 1868 г. изъ 75 т. призванныхъ представилъ 42 т. замѣстителей.

что уже составляло первую причину болѣе высокой дисциплины въ первой изъ нихъ (1). Но къ возвышенію и поддержанію дисциплины въ германской арміи и къ обратному явленію во французской были еще и другія весьма важныя причины, частію проистекавшія отъ того же самаго различія въ составѣ рекрутовъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена *разница въ интеллигенціи солдатъ*.

Общеобязательная воинская повинность, для достиженія ея вполне успешныхъ результатовъ, между прочимъ требуетъ, чтобы члены арміи не были слишкомъ раздѣлены между собою понятіями и воспитаніемъ, иначе между ними могла бы повздуться вредная для дѣла рознь; требованіе это можетъ быть всего скорѣе достигнуто основательнымъ народнымъ воспитаніемъ.

Люди, положившіе, послѣ Тильзитскаго мира, начало прусской военной системѣ, съ необыкновенною энергіей и настойчивостію приписались за образованіе народа, за устройство школъ, видя въ правильномъ образованіи всего народа самое вѣрное средство для развитія благосостоянія и возстановленія могущества своего отечества. Эти идеи, съ теченіемъ времени упрочиваясь и развиваясь, выдвинули Пруссію на первое въ Европѣ мѣсто по умственному образованію народа. Лѣтъ 40 тому назадъ въ Пруссіи введено было обязательное обученіе, которое и должно составлять непремѣнное дополненіе къ общеобязательной воинской повинности. Въ 1864 году, Пруссія, при населеніи съ небольшимъ въ 20 миліоновъ, имѣла, кромѣ семи университетовъ, до 300 среднихъ училищъ, слишкомъ 25,000 народныхъ или элементарныхъ школъ (обязательныхъ для всѣхъ дѣтей отъ 6-ти до 14-ти лѣтъ), болѣе 3,000 частныхъ школъ и во всѣхъ ихъ до 3½ миліоновъ учениковъ. Примѣру Пруссіи постепенно послѣдовали и прочія германскія государства, такъ что во всей Германіи, въ половинѣ 60-хъ годовъ, имѣлось, кромѣ 17-ти университетовъ, до 56,000 различнаго рода школъ, что составляло приблизительно по одной школѣ на 680 жителей.

Франція по народному образованію значительно уступала Пруссіи. Въ 1865 году къ ней, при 38 миліонахъ жителей, считалось 56 различныхъ факультетовъ, 430 среднихъ и до 68,000 начальныхъ школъ со слишкомъ 4¼ миліона учениковъ, т. е., *повидимому*, образованію былъ тутъ давнѣе еще большій ходъ, чѣмъ въ Германіи; но это только

(1) Чтобы принести ожидаемую отъ нея пользу, дисциплина должна быть сознательная, а не механическая; требованія ея должны, такъ сказать, *впитаться* въ чувство и сознаніе воина, а не заключаться лишь въ одномъ исполненіи формальностей, высшихъ проявленій этихъ требованій. Таковы и были взгляды на дисциплину, установившіеся издавна въ прусской арміи, но далеко не таковы оны были во французской.

необходимому, на бумагѣ, по отчетамъ. Между тѣмъ какъ въ Пруссіи прохожденіе и окончаніе курса народныхъ школъ обязательно для всѣхъ дѣтей, во Франціи оно не было таковымъ, а въ католическихъ школахъ ея ученики на 10-мъ—12-мъ году бросаютъ ученіе и все пере-забываютъ; вообще, можно считать, что до 40% всѣхъ учащихся проходили чрезъ школы совершенно безслѣдно.

Разница народнаго воспитанія лучше всего доказывается тѣмъ, что въ 1865 году въ Пруссіи число неграмотныхъ рекрутовъ было не свыше 5%, во Франціи же оно доходило до 30% (а по нѣкоторымъ, неофициальнымъ свѣдѣніямъ, до 60%). Эта огромная, не въ пользу Франціи, разница въ неграмотныхъ рекрутахъ происходила именно потому, что значительное число таковыхъ были замѣстители, взятые изъ наименѣ образованныхъ классовъ народа.

Было бы напрасно распространяться изъ доказательствъ тому, на сколько образованіе развиваетъ способности человѣка и возвышаетъ въ немъ чувства собственнаго достоинства. Этому никто не станетъ отрицать. Но то же самое изъ значительной степени влѣсть и на подпитіе нравственнаго духа войскъ: при равенствѣ прочихъ условій, верхъ неминуемо возьметъ армія, имѣющая высшій уровень образованія, не только потому, что она будетъ сильнѣе сознаниемъ своего превосходства надъ противникомъ, но и потому еще, что для нея становится гораздо возможнѣе сознательное воспріятіе требованій дисциплины, этой основы всей военной службы.

Но, какъ сказано было выше, для солидарности членовъ арміи требуется, кромѣ однопобразія въ образованіи, еще и однопобразіе понятій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ничто такъ вредно не влѣсть на дисциплину, какъ проповѣдованіе въ армію розни политическихъ убѣжденій, и еще того хуже—вмѣшательство самой арміи въ политику.

Армія съ политикою не должна имѣть ничего общаго — и этого правила строго держатся въ Пруссіи.

Нѣмецъ у себя дома, или въ пивной, съ меньшею противъ француза охотою занимается политикою, брани при этомъ (не короля—Боже упаси) нелюбезныхъ ему министровъ. Но, разъ падѣвъ военный мундиръ, нѣмецъ откладываетъ политику въ сторону и единственнымъ его побужденіемъ становится исполненіе обязанностей, связанныхъ съ честию пошенія этого мундира (лучшимъ доказательствомъ тому служатъ: поведеніе въ 1866 году прусскихъ солдатъ, взятыхъ изъ населенія, большинство котораго было передъ войною сильно озлоблено на Бисмарка; поведеніе въ 1870 году южно-германскихъ солдатъ, на полѣ.

сраженія ни въ чемъ не расходившихся съ нелюбимымъ или въ душѣ прусаками).

Французскій же солдатъ и на службѣ продолжаетъ заниматься политикою; разнь между республиканскими и монархическими (разныхъ оттѣнковъ) элементами проявляла себя въ арміи (въ особенности въ концѣ 60-хъ годовъ) подѣ вліяніемъ журналистики и общественной среды (1). Наконецъ, самъ Наполеонъ III далъ санкцію вмѣшательству арміи въ политику, допустивъ ее до плебисцита, причемъ около 1/6 части солдатъ высказалось противъ императора—главы арміи! Голосованіе между солдатами было равносильно дозволенію солдату-республиканцу выразить неуваженіе къ монархической власти, которой начальники его припиали присягу. Возмутительное явленіе изъ лѣтописяхъ дисциплины (2).

Изъ всего вышеизложеннаго становится понятнымъ, почему воинскій духъ и дисциплина въ германской арміи были выше, чѣмъ во французской (3).

(1) По самому даже складу своей казарменной жизни прусскій солдатъ почти не имѣетъ свободнаго времени, чтобы заниматься чѣмъ либо, кромѣ службы. Ежедневно (кромѣ воскресній) онъ по шести часовъ занятъ строевыми ученіями, по одному часу словеснымъ обученіемъ; чрезъ времени онъ употребляетъ на чистку вещей и портяничества. Прусскій солдатъ три года своей службы проводитъ, можно сказать, въ постоянномъ трудѣ и, въ это время, жизни или казармъ ему остается почти совершенно чуждою. Французскій солдатъ былъ, опять гораздо менѣе и пользовался гораздо большою свободою.

(2) На другой день послѣ плебисцита генераль гр. Доренсезъ доноситъ императору изъ Тулузы: «Я знаю, что Тулуза одинъ изъ худшихъ городовъ Франціи въ отношеніи ея чувствъ къ императору и патриотизма; но и до послѣдней минуты надѣялся, что гарнизонъ ея не подвергнется тѣлесному вліянію штричь, веденныхъ къ тому, чтобы деморализовать его. Начальники частей поддерживали меня въ этой увѣренности. Думали, что всѣ маневры, веденные преимущественно редакторомъ журнала «L'Emancipation» и его агентами, окажутся недействительными противъ хорошаго духа войскъ; ничтъмъ не было пренебрежено къ парализованію успѣй журналиста Дюпорталя и къ тому, чтобы помѣшать солдатамъ быть введеннымъ имъ въ заблужденіе.

«Но съ удрученіемъ сердцемъ выражаю и сегодня нашему величеству мое горькое разочированіе касательно голосованія тулузскаго гарнизона; никто не могъ бы думать о подобномъ плачевномъ, чудовищномъ результатѣ, какой оно дало въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ; а между тѣмъ этотъ батальонъ считался отлучнымъ и хорошо управляемымъ. Впрочемъ, его голосованіе отчасти объясняютъ присутствіемъ въ его рядахъ значительнаго числа молодыхъ людей изъ парижскихъ предвѣстій».

(3) На сколько не легко строгое подчиненіе дисциплинѣ въ войскахъ, поставленныхъ даже въ наилучшія для того условія, тому подтвержденіемъ служатъ примѣры, которые проявлялись и между прусскими солдатами, вызывая въ отношеніи къ нарушителямъ вѣрнѣе самыхъ строгихъ карательныхъ мѣръ со стороны офицеровъ, когда это для возмездія оказывалось возможнымъ. Но несомнѣнно и то, что поддержаніе дисциплины представлялось гораздо менѣе труднымъ въ отношеніи германской арміи, нежели въ отношеніи французской.

Способъ сосредоточенія французскихъ войскъ къ границѣ могъ послужить еще къ большому подрыву въ нихъ дисциплины. Къ безпорядкамъ, проявившимся при этомъ въ войскахъ, прибавилось еще и то, что по мѣрѣ вступленія ихъ въ мѣстности, богатыя виномъ и гдѣ жители выкатывали цѣлыя бочки для солдатъ, послѣдніе перепивались толпами; начальники же не принимали или оказывались не въ состояніи принять мѣръ противъ этого зла. Сюда же примѣшались воспоминанія о Мексикѣ, въ которой армія предавалась грабежамъ, допущеннымъ самимъ начальствомъ. Затрудненія, встрѣченныя на границѣ въ снабженіи арміи продовольствіемъ, вынудивъ дозволеніе самимъ солдатамъ озабочиваться о своей пищѣ, воскресили привычки Мексики. Нерѣдко случалось, что при выстуленіи части съ одного мѣста на другое, не досчитывались половины людей, занятыхъ въ то время мародерствомъ.

При такихъ условіяхъ не далеко было до совершеннаго растлѣнія арміи. Но на выручку дисциплинѣ явилось чувство патриотизма, присущее французскому солдату можетъ быть еще въ большей степени, чѣмъ германскому. Когда солдатъ созналъ мѣру опасности, угрожающей дорогой ему отчизнѣ, онъ подтянулся; онъ инстинктивно созналъ необходимость сплотиться со своими товарищами и начальниками. Къ тому же, съ началомъ военныхъ дѣйствій, въ выдачѣ продовольствія, такъ же какъ и въ прочихъ отношеніяхъ, установился большій порядокъ. На сколько всѣ эти условія повліяли на восстановленіе упавшаго духа французскихъ солдатъ—мы видимъ въ битвахъ подъ Мецомъ.

Составъ унтеръ-офицеровъ.

По мѣрѣ уменьшенія сроковъ службы увеличивается значеніе унтеръ-офицеровъ, ближайшихъ помощниковъ офицеровъ; назначеніе ихъ заключается въ детальномъ ознакомленіи рекрута со всеми требованіями воинской службы, не говоря уже о замѣнѣ, въ случаѣ надобности, офицеровъ въ бою.

Независимо отъ вышеназложенныхъ причинъ, могшихъ повліять на разницу въ составѣ унтеръ-офицеровъ, какъ выходящихъ изъ среды солдатъ, были еще и другія, по которымъ прусскіе унтеръ-офицеры были гораздо лучше французскихъ.

Въ Пруссіи, при общеобязательной воинской повинности, не допускаяшей изытій, оказывалось возможнымъ пополненіе унтеръ-офицеровъ, въ значительной степени, изъ среды весьма образованныхъ и развитыхъ людей; изъ нихъ-то и выходили преимущественно тѣ дѣльные и толковые унтеръ-офицеры, которые, главнѣйшимъ образомъ, и сообщали

дисциплинѣ прусской арміи замѣчательный характеръ сознательно понимаемаго долга и служебныхъ обязанностей. По тому же самому, части, даже потерявъ офицеровъ, могли быть ведены въ бой и достигали цѣли подъ руководствомъ замѣнявшихъ ихъ унтеръ-офицеровъ.

О привлеченіи хорошихъ унтеръ-офицеровъ и удержаніи ихъ въ строю въ Пруссіи сильно заботятся и по возможности достигаютъ этого, не производствомъ ихъ въ офицеры (чего, напротивъ, избѣгаютъ), но усиленнымъ жалованьемъ, а преимущественно — правомъ на полученіе, по прослуженіи девяти лѣтъ, гражданской должности, такъ что унтеръ-офицерское званіе сулитъ обезпеченное положеніе въ будущемъ.

Во Франціи, какъ мы видѣли, среда, изъ которой пополнялись унтеръ-офицеры, была совершенно иною. Для подготовки такихъ въ каждомъ баталіонѣ, кавалерійскомъ полку и батареѣ имѣлось по унтеръ-офицерской школѣ, но результаты, ими даваемые, были весьма незначительны, такъ какъ обученіе въ нихъ велось только для соблюденія формальности, ради отчетности. Въ началѣ имперіи унтеръ-офицерскій галузѣ обѣщала карьеру, проихводство въ офицеры и другія преимущества, служившія приманкою развитымъ молодымъ людямъ; но по мѣрѣ уменьшенія этихъ преимуществъ, по мѣрѣ все болѣе и болѣе затруднившася производства (доходившаго до того, что подпоручики просиживали въ чинѣ по десяти и болѣе лѣтъ, не предвидя даже проихводства въ слѣдующій чинъ), число такихъ развитыхъ людей уменьшилось, а въ концѣ 60-хъ годовъ они и вовсе отказывались отъ поступленія на службу, замѣняли себя наемниками.

Составъ офицеровъ.

По составу своему корпусъ офицеровъ во французской арміи былъ также гораздо ниже, чѣмъ въ прусской, что опять происходило преимущественно вслѣдствіе разницы въ уровнѣ образованія. Въ Пруссіи всякій офицеръ достаточно образованъ уже потому, что вся страна стоитъ на высокой степени образованія; притомъ слишкомъ 90% офицеровъ имѣютъ совершенно одинаковую научную подготовку, такъ какъ для производства въ офицеры почти каждый долженъ выдержать экзаменъ по одной и той же программѣ (Производство въ офицеры безъ экзамена допускается только въ военное время за особенные подвиги).

Во Франціи только 30% общаго числа офицеровъ, именно окончившіе курсъ въ военныхъ училищахъ, могли подойти подъ уровень прусскихъ офицеровъ, но и то не вполне, такъ какъ въ школѣ французскій офицеръ получалъ менѣе основательное образованіе, да и выходилъ оттуда со многими превратными понятіями. Такъ, въ школѣ ему толковали

лось, что французъ первый человекъ на свѣтѣ; знакомство съ истиной считалось чуть ли не излишнимъ, и даже въ известной мѣрѣ опаснымъ, какъ могущее служить подрывомъ патриотизму; оттого у офицеровъ являлось презрѣніе къ сосѣдямъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ желанія изучать ихъ. Остальные 70% офицеровъ были изъ выслужившихся нижнихъ чиновъ, не имѣвшихъ никакого, ни общаго, ни военно-научнаго образованія. Эта рознь воспитанія офицеровъ вела къ отсутствію тѣснаго товарищества между ними—*esprit de corps*; сень-сирецъ съ презрѣніемъ смотритъ на *troupiers*, а послѣдній относится къ сень-сирцу съ завистью и недоброжелательствомъ. Самые военные обычаи, укоренившіеся во французской арміи, подрываютъ этотъ *esprit de corps*; такъ, наприимѣръ, старшіе офицеры никогда не сходятся съ младшими; даже за обѣдомъ, въ общей столовой, капитаны сидятъ за однимъ столомъ, поручики и подпоручики за другимъ; ровнь между французскими офицерами увеличивается и рознь политическихъ воззрѣній. Въ Пруссіи же всякій офицеръ, изъ какой бы онъ провинціи ни былъ, сознаетъ, что онъ, прежде всего,—офицеръ, для котораго, пока онъ на службѣ, воинскій долгъ стоитъ выше національныхъ или какихъ бы то ни было воззрѣній.

Esprit de corps прусскихъ офицеровъ превосходить. Прусское офицерство составляетъ своего рода корпорацію съ известною закваской. Во всемъ обществѣ прусскихъ офицеровъ существуетъ поразительное единство воззрѣній на всѣ вопросы, касающіеся воинской правды. Поддержанію подобнаго единства во взглядахъ и убѣжденіяхъ въ средѣ офицерскаго общества во многомъ способствуютъ офицерскіе суды (хотя они и отличаются излишне опекунами и направленіемъ) и порядокъ производства въ офицеры: быть произведеннымъ можно только съ согласія офицеровъ той части, въ которую желаетъ поступить претендентъ на офицерское званіе. Также точно и переводъ въ другую часть можетъ состояться только съ согласія ея офицерскаго общества.

Прусскіе офицеры всѣ тянутъ одну лямку—выскачуть тамъ нѣтъ. Производство тугое: въ полковники попадаютъ черезъ 30 и болѣе лѣтъ службы, а между тѣмъ никто не жалуется, потому что ни для кого не допускается исключенія изъ установленной поры, для достиженія чего уравниваютъ число вакансій переводами офицеровъ изъ одной части въ другую. При этомъ соблюдается еще, что вакансія, очистившаяся за смертію, составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, принадлежность части, по очистившаяся вслѣдствіе какой либо «исторіи»—непрѣменно замѣщается переводомъ по распоряженію кабинета короля. Послѣдняя мѣра заслуживаетъ особеннаго вниманія и потому, что составляетъ какъ бы наказаніе

обществу офицеровъ, которое не имѣло надъ своимъ членомъ на столько нравственнаго авторитета, чтобы не допустить его до дурнаго поступка, и потому еще, что затрудняетъ поползновеніе на очистку вакансій путемъ интриги.

Во Франціи ничего подобнаго не было. Производство тамъ было двойное: $\frac{2}{3}$ офицерскихъ вакансій до чина майора (*chef d'escadron* или *chef de bataillon*) замѣщались по линіи; остальная же треть вакансій и всѣ производства выше майора замѣщались по выбору начальства. Послѣднее правило давало широкое поприще протекціи; было множество выскочекъ изъ молодыхъ офицеровъ хорошихъ фамилій, что не могло не быть обиднымъ для старыхъ офицеровъ. Въ полковники, по положеніямъ, можно было попасть на 11-мъ году службы; но тѣ, которые производились по линіи, подвигались въ чинахъ съ такою медленностію, что по неволѣ теряли служебное честолюбіе, а съ нимъ и рвеніе къ службѣ; офицеры же съ протекціей, видя, что и безъ того дѣла ихъ идутъ хорошо, пренебрегали обязанностями службы, находили ихъ слишкомъ тяжелыми и ни къ чему не ведущими мелочами; такіе офицеры искали повышенія только ради лучшаго позированія въ обществѣ. Такимъ образомъ, въ корпусѣ французскихъ офицеровъ, кромѣ вышеназложенныхъ категорій, являлись еще: офицеры-фавориты и тянувшіе лямку, офицеры-юноши и старики. Первые, подчиняясь растлѣвающимъ обществу влияніямъ, дурнымъ примѣрамъ свѣтскаго юношества, не имѣя серьезныхъ занятій и не ища ихъ, дѣлались, что называется, *des petits stevés* и составляли себѣ совершенно превратныя понятія какъ о служебныхъ, такъ и въ служебныхъ своихъ обязанностяхъ (1).

Старики-капитаны, батальонные командиры, офицеры, закаленные въ боихъ Алжира, сдѣлавшіе нѣсколько кампаній, отлично знавшіе детальную сторону своего ремесла, съ презрѣніемъ относились къ этой молодежи, сыскавъ разныхъ компрометированныхъ въ дѣлахъ второй имперіи семей, нѣредко, въ короткое время, обгонившимъ ихъ въ чинахъ. Многие изъ этихъ старыхъ офицеровъ, хотя и разочарываемые обиднымъ для нихъ фаворитизмомъ, продолжали добросовѣстно нести службу, въ которой они, по недостатку образованія, не въ состояніи были бы найти занятій. Это была надежнѣйшій элементъ въ корпусѣ французскихъ офицеровъ, и они это доказали въ боихъ подъ Мецомъ, гдѣ

(1) Однажды, въ одномъ изъ швейцарскихъ фортезъ, командантъ послѣднимъ арестовалъ подчиненнаго ему подпоручика за серьезное испираніе, совершенное имъ въ службѣ. Въ отвѣтъ на это подпоручикъ написалъ своему начальству письмо, въ которомъ онъ ему объяснилъ, что онъ, командантъ, наказавъ его, поступилъ противъ устанавливающихся въ арміи новыхъ обычаевъ, согласно которымъ офицеръ, разъ онъ не на службѣ, становится не *homme du monde*.

такихъ офицеровъ легло по 10 на 100 человекъ всей потери. Въ средѣ этихъ же самыхъ офицеровъ впервые (въ концѣ 60-хъ годовъ) ощутилась необходимость умственной работы. Предвидя близость войны съ Пруссіей, инстинктивно предчувствуя трудность борьбы съ нею и сознавая, что, вслѣдствіе неудовлетворительнаго или вовсе не полученнаго ими образованія, они стоятъ ниже требованій новѣйшаго военнаго искусства, старички прилежались за занятія въ такіе годы, когда возвращеніе къ давно забытой наукѣ становится труднымъ, и хотя начальство не только не поощряло такихъ занятій, но даже относилось къ нимъ недоброжелательно.

Совсѣмъ инымъ является складъ общества прусскихъ офицеровъ. Мы уже указывали на причины, по которымъ въ немъ не могло существовать той розни, какая замѣчалась между французскими офицерами. Но, кромѣ того, прусскій офицеръ любитъ службу, преданъ ей всею душою и не тиготится ею; онъ пропитанъ чувствомъ долга, добросовѣстно и осмысленно исполняетъ свои обязанности до самыхъ мелочей. Всякій прусакъ преимущественно педантъ, какъ въ отношеніи другихъ, такъ и, прежде всего, въ отношеніи самого себя. Педантизмъ этотъ, однако, относится только къ сути дѣла; къ формѣ—если она можетъ повредить сути; если же отступленіе отъ формы безвредно—за нею не гонятся, но подобно отступленіе можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ съ разрѣшенія на то власти имѣющаго (1).

Мы указывали также на одинаковость уровня образованія прусскихъ офицеровъ и на значительную его высоту сравнительно съ французскими офицерами. Въ противоположность послѣднимъ всѣ прусскіе офицеры имѣютъ довольно порядочное понятіе о военномъ дѣлѣ и умѣютъ читать карты. Военные разговоры въ кругу товарищей, а еще болѣе публичныя между ними чтенія и сообщенія еще болѣе развиваютъ знанія теоріи. Высшею степенью образованія отличаются офицеры специальныхъ родовъ оружія; но у нихъ дѣло заключается не столько въ массѣ свѣдѣній или въ глубинѣ учености, сколько въ умѣннн и стремленіи примѣнять свѣдѣнія свои для пользы службы (2).

Во Франціи, въ специальныхъ родахъ оружія, общество офицеровъ было также отборное, наиболѣе образованное. Мы уже говорили, что между офицерами генеральнаго штаба не мало было выдававшихся своими способностями; въ артилеріи офицеры были еще лучше; между ин-

(1) Начальникъ возводитъ подчиненному надѣть фуражку вмѣсто каски, обыкнуть себя всего штыками; но ходить съ разсѣянутымъ погономъ — никогда.

(2) Особенно можно это замѣтить въ офицерахъ прусскаго генеральнаго штаба. Они совершенно свободны отъ племечной строгости въ систематизаціи, а следовательно, и въ теоретической односторонности позарившія на военное дѣло вообще.

женерами были прекрасные спеціалисты своего дѣла. Но большая часть офицеровъ артилеріи и инженерныхъ отличалась своимъ патриотизмомъ, а потому имперія опасалась ихъ, приближая къ себѣ изъ среды ихъ людей, отличавшихся тщеславіемъ и низкопоклонствомъ. Офицерами специальныхъ родовъ оружія всего болѣе указывались несовершенства французской арміи, а генералы и министры, вышедшіе изъ этихъ родовъ оружія, всего болѣе отрицали предлагавшіяся имъ реформы. Въ корпусѣ же французскихъ инженеровъ, безспорно лучшемъ изъ всѣхъ прочихъ, было и самое тугое производство (1).

(1) Считается не лишнимъ приаести здѣсь сравненіе того, какъ, въ обѣихъ арміяхъ, вознаграждались служба въ матеріальномъ отношеніи:

	ВЪ МИРНОЕ ВРЕМЯ									
	годовой окладъ жалованья		столовыя		квартирныя и фуражн.	ВСЕГО				
	Франція	Пруссія	Франція	Пруссія		Франція		Пруссія		
	франк.	талер.	франк.	талер.	франк.	франк.	рубли	талер.	рубли	
Маршалъ Франціи.	—	—	—	—	—	тысячъ 130	тысячъ 32 1/2	—	—	Сверхъ того мы шлю 30,000 сенаторскихъ пенсій Почетнаго легіона и ряда другихъ. Изъ во Франціи, такъ и въ Пруссіи процвѣтаетъ родъ оружія получивъ болѣею окладъ противъ изъ Пруссіи. Но Франціи гвардіи получалъ въ 1 1/2 раза болѣе арміи; въ Пруссіи же—безразлично, въ гвардіи или въ арміи, старшій офицеръ имъ. Вераншъ,
Корпусный командиръ	—	4,000	—	5,000	—	—	—	9,000	9,000	
Начальникъ армейской дивизіи	15,000	4,000	7,200	1,200	4,600	26,800	6,700	5,200	6,200	
Въ армейской пѣхотѣ:										
Полковой командиръ	5,500	2,500	1,500	—	1,280	8,280	2,070	2,500	2,500	
Батальонный командиръ	3,600	1,800	600	—	960	5,160	1,290	1,800	1,800	
Капитанъ 1 класса	2,700	1,200	—	—	540	3,240	810	1,200	1,200	
Капитанъ 2 класса	2,400	600	—	—	540	2,940	735	600	600	
Подпоручикъ	1,700	240	—	—	360	2,060	515	240	240	
Фельдфебель	449	180	—	—	—	449	112 1/2	180	180	
Унтеръ-офицеръ	310	90	—	—	—	310	77 1/2	90	90	
Рядовой	146	36	—	—	—	146	36 1/2	36	36	

Не смотря на страсть французовъ къ блестящимъ воинскимъ подвигамъ, а въ мирное время—къ парадамъ, военный элементъ, особенно въ концѣ 60-хъ годовъ, не былъ у нихъ въ большой чести. Въ высшихъ сферахъ къ военному дѣлу вообще относились слегка; въ палатахъ оказывалось постоянное противодействие правительству въ его намѣреніяхъ, касавшихся улучшения положенія арміи; въ обществѣ на

При сравненіи приведенныхъ въ этой таблицѣ цифры бросаются въ глаза: въ 1-хъ, огромная разница въ размѣрѣ содержанія, получаемого высшими чинами (начиная отъ начальника дивизіи) во Франціи; во 2-хъ, въ младшихъ чинахъ офицеры въ Пруссіи получали также гораздо меньше, чѣмъ во Франціи; наоборотъ, капитаны 1-го класса (т. е. ротные командиры) получаютъ въ Пруссіи вдвое больше, чѣмъ капитаны 2-го класса въ Пруссіи же и въ 1½ раза больше, чѣмъ капитаны 1-го класса во Франціи. Такое возвышеніе въ размѣрѣ жалованья, получаемомъ ротнымъ командиромъ въ Пруссіи, имѣло большое значеніе, съ одной стороны, составляло приманку для людей недостаточныхъ и заставляло ихъ стараться получить это званіе; съ другой стороны, давало возможность правительству дѣлать тщательный между офицерами выборъ при назначеніи въ ротные командиры; въ 3-хъ, гораздо болѣе въ Пруссіи охладѣло унтеръ-офицерскій и фельдфебельскій, что тоже способствовало къ удержанію этихъ чиновъ на службѣ.

Въ военное время въ той и другой арміяхъ содержаніе увеличилось въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Прибавка къ жалованью		На подъемъ		Дневная прибавка		ВСЕГО.		
	во Фран-ции.	въ Пру-ссіи.	во Фран-ции.	въ Пру-ссіи.	во Франціи		во Фран-ции	въ Пру-ссіи.	
					въ сутки	въ годъ			
Корпусный командиръ . . .	—	7,000	—	812½	—	—	—	—	7,812
Начальникъ армейской дивизіи	3,750	1,800	6,000	590	—	—	9,750	2,437	2,390
Полковникъ . . .	—	504	1,200	125	5	1,800	3,000	750	529
Капитанъ 1-го класса . . .	—	300	600	60	3	1,080	1,680	420	360
Капитанъ 2-го класса . . .	—	300	600	60	3	1,080	1,680	420	360
Подпоручикъ . . .	—	96	400	35	2½	900	1,300	325	131

Кромѣ показанныхъ въ этой таблицѣ дополнительныхъ выдѣлъ, въ Пруссіи, въ военное время, высшимъ военно-служашимъ выдается еще особое вспоможеніе: войскъ капитана по 1 тал. въ мѣсяцъ, фельдфебеля 13 тал. въ годъ, унтеръ-офицера 5—8 тал., рядового 2½ тал. въ годъ.

Положенія и пенсійныя приварки воинскихъ чиновъ, военныхъ или ветеранскихъ установлены гораздо

военныхъ смотрѣли какъ на оплотъ имперіи и потому относились къ нимъ не только не сочувственно, а иногда (преимущественно въ большихъ городахъ) даже враждебно, почему, по избѣжанію скандаловъ и чтобы не мозолить либераламъ глаза, офицерамъ разрешалось въ службы ходить въ статскомъ платьѣ, или, такъ сказать, санкціонировался временный переходъ ихъ въ «hommes du monde».

Какъ по этой причинѣ, такъ и послѣдствіе упомянутыхъ выше (тугого производства, недостаточнаго содержанія и проч.), молодые люди, чувствовавшие себя способными къ какому либо роду иной дѣятельности, по большей части избѣгали военной карьеры; сыновья же знатныхъ или богатыхъ семей, не смотря на вѣроятіе ожидавшихъ ихъ на службѣ быстрыхъ повышеній, предпочитали проводить время въ шпѣхъ не стѣсняемой праздности.

Въ Пруссіи, наоборотъ, за небольшими исключеніями, сыновья самыхъ высокопоставленныхъ и богатыхъ семей проходили военную службу, а большая часть изъ нихъ оставалась офицерами, служившими примѣромъ прочимъ въ перенесеніи трудовъ и исполнительности.

Военное званіе въ Пруссіи считается почетнымъ; всѣ выгоды и отличія въ общественной дѣятельности предоставляются прошедшему черезъ строй; наоборотъ, лицо, по какимъ либо неулаживаемымъ причинамъ уклонившееся отъ ношенія военного мундира, считается не исполняющимъ своихъ обязанностей относительно общества; ово не получаетъ никакой должности въ гражданской дѣятельности (*). При подобномъ отношеніи къ военной службѣ, уваженіе къ военному мундиру доходить въ Пруссіи до какого-то благоговѣнія. Король считаетъ себя первымъ солдатомъ; принцы королевскаго дома несутъ дѣйствительную военную службу, охотно живутъ съ войсками; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ облачаются они въ статовый костюмъ. Бисмаркъ, въ официальныхъ случаяхъ, надѣваетъ свой ландперный мундиръ. Уваженіе къ мундиру между военными безгранично. Офицеры при встрѣчѣ отдають другъ другу честь.

(* Хотя по прусскимъ законамъ излѣгн отъ военной службы могутъ подлежать только лица, не удовлетворяющія установленнымъ размѣрамъ роста и объема груди, самая строгость въ оцѣнкѣ физическихъ свѣдѣній падаетъ въ томъ, что значительное число молодыхъ людей, подлежащихъ поступленію въ военную службу, не принимаются въ нее по законнымъ причинамъ, а также принадлежатъ случаи и противозаконнаго уклоненія отъ нея, если чѣмъ либо услуголюбивый модиякъ найдетъ нужнымъ здравнаго богатаго рекрута припасть не подходящимъ; въ простомъ же народѣ часто встрѣчаются случаи преднамеренной визитской порчи (отрубать себѣ волосы и пр.). Хотя подобныя уклоненія отъ службы строго преслѣдуются закономъ, но имѣть удается продолжать ихъ безнаказанно. Вообще же, послѣдствіе законныхъ причинъ и чѣстна незванія, около половины молодыхъ людей, подлежащихъ военной воинности, не попадаетъ въ ряды арміи.

Офицеръ, попавъ въ незнакомое ему общество, встрѣчается другими, находящимися тутъ офицерами, съ полнымъ радушіемъ, какъ товарищъ. Эти высшія проявленія уваженія къ мундиру доходятъ, можетъ быть, и до крайности: такъ, офицеръ свысока смотритъ на статскаго, надменнѣе, даже грубѣе въ отношеніи къ нему; чтобы избѣжать подобнаго обращенія и, въ свою очередь, вселить къ себѣ большее уваженіе, статскіе, служившіе въ войскахъ, перѣдко ходятъ въ фуражкахъ съ кокардами или носятъ какіе нибудь иные званы, указывающіе на ихъ прошедшую службу въ войскахъ.

При подобномъ отношеніи всего народа къ военному званію и мундиру, понятно, что не только офицеръ, но и солдатъ остерегаются, что называется, замарать послѣдній. Понятно также, на сколько это можетъ содѣйствовать поддержанію дисциплины.

Высшее начальство.

Огромное большинство французскихъ генераловъ (подобно тому, какъ и офицеровъ) отличалось недостаткомъ высшаго военного образованія. Немногіе изъ нихъ были боевыми практиками Алжира, Крыма, Италіи, гдѣ они своими успѣхами, въ большинствѣ случаевъ, обязаны были счастію; на долю же искусства здѣсь выпадало очень мало (1).

Оттого между этими генералами сохранялась слѣпаная увѣренность въ счастливой авѣдѣ Франціи, въ превосходствѣ всего французскаго надъ иностраннымъ, рутинныя взгляды на службу и тактику, вмѣстѣ съ полнымъ отрицаніемъ всѣхъ нововведеній, требовавшихся усовершенствованіями въ военномъ искусствѣ.

Если же между этими генералами встрѣчались исключенія (Бюжо, Трошю), они находились въ азганѣ.

Изъ генераловъ-непрактиковъ замѣчательнѣйшее число достигло своего званія не благодаря научнымъ свѣдѣніямъ, а частью за выслугу лѣтъ, еще въ большемъ числѣ—по протекціи. Генералы первой категоріи заботились только о покоѣ или аккуратномъ полученіи слѣдовавшей имъ пенсіи; къ послѣдней же категоріи относилось большинство молодыхъ генераловъ, изъ которыхъ многіе не командовали частями, а только щеголяли при дворѣ, не имѣя ничего общаго съ военнымъ дѣломъ, кромѣ мундира. Фаворитамъ вообще пустили при имперіи столь глубокіе корни, что если кто либо (будь то даже офицеръ, вернувшійся съ войны, гдѣ имъ оказаны были серьезныя отличія) являлся съ просьбою о полученіи мѣста, его прежде всего сиранивали, вѣтъ оны рекон-

(1) Маршалъ Бюжо однажды высказалъ это своимъ генераламъ слѣдующими словами: «Судябы имѣть повѣсть въ Европѣ, мы должны многому научиться, а еще большее—избѣжать».

мендовать. Кумовство, родственныя связи до такой степени вліяли на повышеніи, что, независимо отъ произведствъ по линіи или за отлітіе, французы справедливо считали, что у нихъ есть еще третье и наиболѣе важное средство къ производству—*по родству* (*lour du gendre*). Производство въ военіи чины во многомъ зависѣло отъ высшаго уваженія въриподданства, личнаго вкуса или фантазіи императора, придворныхъ интригъ, вліанія женщинъ и проч.

Понятно поэтому духъ искательства, отсутствіе сильныхъ характеровъ, воинскихъ доблестей, отсутствіе заботливости о подчиненныхъ, любви къ дѣлу и занятіямъ по своей спеціальности, которыя составляли отличительную черту большинства французскаго генералитета временъ конца второй имперіи. А такъ какъ, съ другой стороны, *по закону*, производства въ высшіе чины удостоивались только за отлітіе, то производимые въ таковыя проинтыпались чрезвѣчнымъ сознаніемъ своихъ достоинствъ и съ презрѣніемъ взирали на все, что было ниже ихъ или относилось къ нимъ съ здравыми софѣтами. При отсутствіи въ большинствѣ генераловъ теоретическихъ свѣдѣній, тѣ изъ нихъ, которые служили въ войскахъ, еще по-какъ звали способъ веденія того рода оружія, къ которому они принадлежали; но, будучи поставлены во главѣ отрядовъ изъ различныхъ родовъ оружія, многіе изъ такихъ генераловъ становились совершенно въ тупицѣ, или отдавали самыя несообразныя распоряженія, или, наконецъ, махали на все рукою, повторяя любовное имя «qu'ils se débrouillent» (1).

Было бы несправедливымъ отнести всѣхъ французскихъ генераловъ къ одной изъ перечисленныхъ здѣсь категорій; между ними были люди, хорошо знавшіе свое дѣло, съ научными свѣдѣніями, умѣвшіе вести войска; но такіе генералы составляли лишь слабое меньшинство.

Рассказываютъ, что Бисмаркъ, поспѣвши, на другой день послѣ сраженія при Резоввилѣ, пошлутый тутъ французами лазаретъ, сказалъ одному раненому французскому офицеру: «Имѣй мы ваши шашки, и вы наши игольчатые ружья, война окончилась бы въ двѣ недѣли. Но, прибавилъ оны, имѣй вы нашихъ генераловъ, война окончилась бы въ такой же срокъ, только сошествіемъ инымъ для насъ образомъ».

Въ Пруссіи, какъ указано было выше, производство тутое, высечки

(1) Какъ далеко были французскіе генералы отъ того идеала, который имѣлъ въ виду Пинлолеминъ? «Искусство военнаго искусства, говоритъ оны, приобрѣдательствомъ только опытноснью и изученіемъ исторіи войны и битвъ великихъ войскоподвѣвъ. Надо, чтобы военнаачальникъ имѣлъ столько же характера, сколько и ума; по характеру всего сущаго. Могъ бы воспитаться характеръ при раставленіи, господствовало бы въ послѣдній годъ имперіи во французскомъ обществѣ, особенно въ высшемъ?»

почти тамъ невозможны, почему и попасть тамъ въ начальники части не легко, а для неспособнаго человѣка попасть въ начальники крупной стрелковой части, какъ-то дивизіи, а тѣмъ болѣе корпуса почти невозможно; если же, по ошибкѣ, такое назначеніе и получило бы лицо, не соответствующее своему посту, оно не продержалось бы на немъ долго; едва замѣчено, что такой-то генералъ неспособенъ хорошо командовать частью, его безъ церемоніи удаляютъ.

Выше было также указано на то, что въ прусскомъ генеральномъ штабѣ производство быстрое, чѣмъ въ войскахъ. Поэтому, а также вследствие достоинства прусскаго генеральнаго штаба, изъ него и выходятъ значительное большинство старшихъ начальниковъ стрелковыхъ частей.

Начальники, сознавая необходимость быть на высотѣ своего положенія, слѣдятъ за военнымъ дѣломъ, за развитіемъ науки. Благодаря этимъ своимъ качествамъ, прусскіе военачальники, не имѣвъ даже до тѣхъ поръ боевой практики, по большей части выказали себя съ отличной стороны въ войну 1866 года. Но не удовольствовавшись славой, приобретенною ими въ этой войнѣ, прусскіе военные начальники, по прожденной имъ самолюбивости, отнеслись къ себѣ критически, стараясь исправить всѣ замѣченные въ военномъ отношеніи недостатки.

Между германскими генералами найдется не мало такихъ, которые потрудились и перомъ на пользу своему дѣлу и сѣмъ заняли видное мѣсто въ военной литературѣ; между таковыми находилъ и племянникъ короля, принцъ Фридрихъ-Карлъ.

Говоря о прусскихъ офицерахъ и генералахъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на слѣдующую черту, которою они значительно отличались отъ французскихъ. Основательное изученіе и знаніе ремесла способствовало развитію въ нихъ увѣренности въ себѣ, что, вмѣстѣ съ здравымъ взглядомъ на отношенія старшихъ къ подчиненнымъ и обратнo, съ привычкою относиться къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ задачъ не съ формальной только стороны, а по духу ихъ; наконецъ, вмѣстѣ съ чувствомъ товарищества, одушевлявшимъ всѣхъ членовъ воинскаго организма, — способствовало развитію въ прусскихъ начальникахъ, отъ высшихъ до низшихъ, чувства *иниціативы*. Понятно, что во французскихъ начальникахъ, воспитанныхъ совершенно въ иномъ направленіи, здраваго иниціативы быть не могло.

Солдаты и офицеры обѣихъ армій хорошо оценивали достоинства своихъ высшихъ начальниковъ. Во французской арміи несостоятельность послѣднихъ совпадала большинствомъ ея, и понятно, что армія

не могла относиться къ нимъ съ довѣріемъ, въ чемъ уже одному лежалъ зародышъ неудачъ и деморализаціи. Офицеры, не стѣсняясь передъ солдатами, критиковали и бранили своихъ генераловъ, а между послѣдними, при самой постановкѣ арміи на военную погу, начались разныя препирательства, возросшія при первыхъ неудачахъ. Между высшими чинами арміи не только не было солидарности, но, напротивъ, существовала рознь, зависть и даже вражда. Многіе корпуса и дивизіи командуемы были генералами, находившимися въ одинаковыхъ чинахъ, исключая трехъ маршаловъ, изъ которыхъ опять-таки каждый считалъ себя опытнымъ главнымъ вождемъ арміи, императора, къ которому они (къ тому же, зная его интимную жизнь) не могли относиться съ уваженіемъ. Наполеонъ III, дѣйствительно, не отличался военными способностями; онъ относился къ военному дѣлу какъ любитель, но не былъ знатокомъ его, что, однако, не мѣшало ему считать себя таковымъ; не только люди, хорошо его знавшие, считали его неспособнымъ вести войска, но и въ самой арміи распространено было то же мнѣніе. Наполеонъ III не имѣлъ также достаточно характера, чтобы прибрать всѣхъ маршаловъ и генераловъ къ рукамъ, а вмѣсто того лавировалъ въ своихъ къ нимъ отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ корпусныхъ командировъ, вследствие своего близкаго положенія къ императору, считали себя столь же важными лицами, какъ и маршалы, между тѣмъ какъ подчиненные имъ генералы смотрѣли на нихъ, какъ на равныхъ себѣ. Понятно, на сколько все это могло повести къ препирательствамъ и розни въ дѣйствіяхъ.

Въ Пруссіи ничего подобнаго быть не могло, какъ благодаря строгой дисциплинѣ и чувству долга, которыми проникнуты всѣ слои арміи, отъ высшихъ до низшихъ, такъ и вследствие безграничныхъ преданности и повиновенія всѣхъ своему королю. Великій низшій силосенъ вѣрить въ своего старшаго, видя въ немъ примѣръ исполнительности и добросовѣстнаго отношенія къ своему дѣлу. Конечно, и тутъ дѣло не могло обойтись безъ личныхъ счетовъ и интригъ; но послѣднія велись тономъ, не привлекая постороннихъ лицъ, и безъ огласки. Интриги эти приводили иногда къ смѣщеніямъ высокопоставленныхъ лицъ, но эти смѣщенія дѣлались именемъ короля и никто не смѣлъ поднять противъ подобнаго рѣшенія своего голоса, считая слово короля-вожди непогрѣшимымъ; и тотъ, на кого надала опала, перепосылалъ ее съ покорностью, не помышляя оправдываться, чтобы тѣмъ не подорвать уваженія въ арміи къ ея высшимъ представителямъ, не нанести тѣмъ ущерба дисциплинѣ (Фалькенштейнъ, Штейнмецъ).

Заключеніе.

Дѣлая общее заключеніе изъ всего изложеннаго, не трудно придти къ слѣдующему выводу:

Передъ войною 1870 года французская армія превосходила германскую только въ одномъ отношеніи — въ лучшемъ вооруженіи иѣхоты; во всемъ же прочемъ германская армія стояла выше французской, какъ въ матеріальномъ, такъ, въ особенности, въ нравственности отношеній (а по выраженію Наполеона I, успѣхъ на войнѣ зависитъ на $\frac{3}{4}$ отъ данныхъ нравственныхъ и только на $\frac{1}{4}$ отъ матеріальныхъ).

Чѣмъ же можетъ быть объясненъ, повидимому, странный фактъ столь быстрого измѣненія во внутренней обстановкѣ двухъ армій; какимъ образомъ французская армія, которая, съ небольшимъ полвѣка тому назадъ, предводительствуемая Наполеономъ I, побѣдила всю Европу, жестоко разгромивъ въ 1806 году и прусскую армію, какимъ образомъ въ 1870 году она вступала съ послѣдней въ новую борьбу при совершенно иныхъ условіяхъ? Причины тому заключались во внутреннемъ складѣ этихъ армій; въ томъ, что прусская армія за послѣднее время совершенно переродилась, французская же оставалась по внѣшности почти въ томъ видѣ, какой данъ былъ Наполеономъ I ея устройству, утративъ, однако, внутреннее содержаніе, которое онъ умѣлъ вдохнуть въ свои войска. Этотъ великій военный дѣятель, съ одинаковою легкостью могъ объять какъ высшія стратегическія комбинаціи, такъ и всѣ мелочи администраціи. Онъ централизовалъ въ своихъ рукахъ все управленіе арміею: индивидуальность, жизненная сила, инициатива ему подчиненныхъ людей — все сливалось въ немъ одномъ; и все могло идти хорошо, пока надъ построеннымъ имъ зданіемъ стоялъ его гений⁽¹⁾. По разѣ Наполеона не стало, созданная имъ машина затормозилась; упрочить то, что способствовало внутреннимъ достоинствамъ арміи, не умѣли, а схватили только внѣшность, и введенная Наполеономъ I система централизаціи сохранилась неприкосновенною, почти безъ всякихъ усовершенствованій въ ней вплоть до самаго 1870 года. Вести же машину не умѣли; самая центральная власть ослабла, а порядки имперіи, постановка войскъ въ роль преторіанцевъ вели ихъ не къ прогрессу, а къ упадку, чему, какъ мы уже на то, между прочимъ, указывали, способствовали: различныя несвойственныя военному дѣлу идеи, либеральныя и гуманитарныя, проникавшія въ армію; упадокъ дисциплины и низкій уровень интеллигенціи въ арміи, вслѣдствіе дону-

(1) Самъ Наполеонъ I выражалъ, что его маршалы и генералы хороши, пока дѣйствуютъ подъ его руководствомъ, а разѣ будучи имъ оставлены на собственнѣйшій страхъ, они, по большей части, только умѣли дѣлать ошибки.

щепія выкупа и дурной подготовки начальниковъ; недоуверіе младшихъ къ старшимъ и пр.

Между тѣмъ какъ французская армія оставалась почти въ полномъ застоѣ, прусская, наоборотъ, совершенно перерождалась и, наконецъ, стала на высокую степень совершенства, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ, въ особенности, по воинскому своему духу. Облмана былъ этикъ прусская армія лицамъ, стоявшимъ во главѣ ея, — своимъ королямъ и такимъ дѣятелямъ, каковы были въ началѣ ея реорганизаціи Шарнгорстъ и Гнейзенау, а въ наше время — довершители начатаго ими — Роонъ и Мольтке.

Но какими же средствами довели они армію до такого совершенства? Только логичностью и послѣдовательностью принятой ими системы, вполне и во всѣхъ своихъ деталяхъ обдуманной, припаровленной къ требованіямъ искусства и къ складу націи. Дѣйствительную силу прусской арміи составили и нынѣ составляютъ:

- 1) постоянство въ усовершенствованіи имѣющагося и стремленіе къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ; осуществленіе на практикѣ теоретическаго положенія: надо имѣть боевой матеріалъ не только одинаковый по качеству съ противникомъ, но и превосходящій его;
- 2) постоянная и неусыпная подготовка къ войнѣ;
- 3) общеобязательная воинская повинность, по возможности безъ изъятій, почему арміи становится вполне народною, включаетъ въ себя всѣ жизненные силы націи; по той же причинѣ и вслѣдствіе системы ландвера и мобилизаціи, Германія представляется какъ бы въ постоянномъ военномъ положеніи, — это всегда вооруженный народъ;
- 4) высокій интелектуальный уровень всей арміи;
- 5) чувство долга и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, одинаково распространенное на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи; исключенія бывають, но весьма рѣдки;
- 6) строгая дисциплина, понимая подъ этимъ не одно слѣпое послушаніе, но сознательное исполненіе всѣхъ требованій; уваженіе къ власти вмѣстѣ со стремленіемъ къ успѣху дѣла — разумная инициатива въ дѣйствіяхъ, и
- 7) практичность обученія войскъ.

Л. Байновъ.